

18+ Мурин Владимир Титов

ОДНА НОГА ЗДЕСЬ...

КНИГА
ВТОРАЯ

художник - Константин Кунщиков

Владимир ТИТОВ

Одна нога здесь... Книга вторая

«Издательские решения»

Титов В. В.

Одна нога здесь... Книга вторая / В. В. Титов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-906719-7

Яромилыч из Зибуней, которому на старости лет выпало отправиться на подвиги, продолжает путь в стольный град Синебугорск. Дорога приводит старого богатыря и его товарищей в город Тюрязин, где местный князь Тужеяр требует исполнить три службы. Первая простая: пойти туда, не знаю куда. Вторая потруднее: добыть серебро из преисподней. А третья... с третьей службой вышла накладка... Там же в Тюрязине Яромилыч встречается с волхвом Богумилом и получает от него три наставления...

ISBN 978-5-44-906719-7

© Титов В. В.

© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	15
ГЛАВА 3	24
ГЛАВА 4	34
ГЛАВА 5	41
ГЛАВА 6	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Одна нога здесь...

Книга вторая

Богумил Мурин
Владимир Владимирович Титов

Иллюстратор Константин Кунщиков

- © Богумил Мурин, 2020
- © Владимир Владимирович Титов, 2020
- © Константин Кунщиков, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4490-6719-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 1

Славный корчмарь Заяц, владелец весьма и весьма прибыльного питейного заведения, точнее сказать – постоялого двора, под затейливым названием «За двумя зайцами», довольный собою толстячок средних лет, в меру бородатый, с длинным хвостом волос, пристально всматривался в нового постояльца. Одноногий дед не глянулся сразу – матушка не раз сказывала ему: бойся рыжих, бойся калеченных, бойся белоглазых. Белоглазые ему ещё ни разу не попадались, а вот с рыжими и калечеными дело иметь довелось, да... И матушка, дай ей Свароже теплое местечко у реки с кисельными берегами, оказалась в обоих случаях права. Все как один оказывались либо шельмами, либо около того!

В своей корчме Заяц привечал всякий народ: и торговцев, и лихих мужичков с большой дороги, и просто странников. А что, работа такая, не отказывать же... Старик, с запыленной торбой через плечо и крепкой на вид палкой в руке, несомненно, странником и был. Хотя, с другой стороны, ещё вопрос, много ли настранствуешь, когда одна нога тю-тю? Вот ведь же, занесла нелегкая калеку в его владения!

Тем не менее, нравился ему дед или нет, но вреда он Заяц ещё никакого не сотворил, а стало быть – имел полное право рассчитывать в его корчме на сытую кормежку, отменное питье и место для ночлега. А ночлег, судя по позднему появлению деда, всенепременно ему понадобится. Правила у Заяца были без особых хитростей: любые удовольствия за ваш счет. И вообще, если бы он обслуживал только тех, кто ему лично нравился, то заведение давно бы уже разорилось. Тут не на личность смотреть надо, а на наличность, – шутил Заяц по вечерам, подсчитывая чистый прибыль. А ведь из леса бывает, такие рожи заглядывают!.. Дед по сравнению с ними выглядел сущим младенцем. Ха! Хорошо сказано! Ссущий младенец! Заяц довольно фыркнул в усы, и даже немного в бороду. Деда, на взгляд корчмаря, разменявшего этак шестой десяток, младенцем назвать было трудно, хотя вертел он головой по сторонам с поистине мальчишеским любопытством. Как зашел в корчму, так и застыл посередине нее, едва не разинув рот. Заяц и сам осмотрелся, пытаясь понять, что могло так заинтересовать вновь прибывшего? Бревенчатые, чуть подкоптившиеся стены, украшенные тройкой незатейливых лубков (на самом большом изображен то ли змей, то ли ящер, с успехом отбивающийся от вооруженного до зубов лихого вояки), шесть окон, низкий потолок, крепко сбитые дубовые лавки подле семи столов, за каждым из которых могло свободно разместиться человек восемь. Сейчас был занят только один стол, над которым кучеряво вился дымок, лижущий потолочные доски. *Курильщик!* Заяц чуть не сплюнул от брезгливости. Весь потолок провоняет своей мерзостью! Она, его сотоварищи, сидят, пиво потягивают, а этот – смолит какую-то дрянь... Впрочем, четверка его единственных нынешних постояльцев (как подозревал Заяц, обычные разбойники), обитавшие в первой каморе, среди которых и находился этот курильщик, исправно платили, так что корчмарь в очередной раз сдержал своё негодование.

Так, ну что ещё у нас тут? Достаточно чистые полы, выметаемые раз в два дня исполнительной Стенькой, дурочкой-прислугой из проходящих, пара подпорочных столбов, покрытых простенькой резьбой, лесенка на второй поверх¹, где ночуют постояльцы, да ещё стойка с корчмарем, то бишь с ним самим. Вот, собственно, и все, что мог видеть сейчас старик. Ничего любопытного, по крайней мере, с точки зрения Заяца. Ну и чего, спрашивается, он застыл посередине горенки? При чем застыл не где-нибудь, а именно на *особом месте*. На потайном люке, построенном для решения *трудных вопросов*. Стоило корчмарю ногою особым образом придать нужную половицу у себя под стойкою, как люк растворялся, и неуютная Заяцу личность, скажем, какой-нибудь лиходей или пьяница, вздумавший показать, как в его родном Мшанске

---

¹ Здесь: «этаж».

гуляют удалыцы, – в общем, кто бы он ни был, – незамедлительно упал бы в глубокую трехсаженную ямину с отвесными стенками. Плотники, строившие для Зайца корчму, за отдельную плату заделались землекопами и вырыли преотличный погреб (так им объяснил сам Заяц). Пока люк ещё ни разу не понадобился, – тьфу-тьфу-тьфу через левое плечо, – но предосторожность никогда не бывает лишней. На всякий случай в корчме было припрятано ещё немало *хитрых снастей*, в стенах, в потолке и даже во входной двери. Заведение стояло на перекрестке большака, да ещё леса дремучие кругом, так что вооружиться стоило.

Старик, вдосталь насмотревшись, наконец, видимо, определился для себя и с решительным видом направился к стойке. Деревяшка, притороченная у деда вместо ноги, звонко цокала по доскам пола. От раздражающего цоканья Заяц слегка поморщился. Впрочем, выражение полнейшего радушия тотчас вернулось на его лицо – негоже прямо показывать человеку, который может принести прибыль, что он тебе не по нраву. Пусть постучит своей культяпкой немного, Велес с ним!

Корчмарь сделав вид, что только сейчас заметил гостя, отложил в сторону чарку, которую тщательнейшим образом протирал концом рушника, и учтиво, можно даже сказать, приветливо, воззрился на старика с немым вопросом: «Чего угодно?» Старик замаялся, судя по всему, обстановка была для него чересчур в диковинку, и он никак не мог сообразить, как себя вести. Эх, ты, деревня! – мысленно пожалел Заяц деда, но вслух ничего такого не сказал, а лишь подпустил на своё широкое лицо побольше благодушия, так сказать, с оттенком понимания и сочувствия. Это должно было подействовать, уж, на что корчмарь мнил себя знатоком человеческих душ.

Однако, вместо того, чтобы успокоиться и начать говорить, старик вдруг засуетился и полез зачем-то в свою сумку. Не нравится мне все это! – решил Заяц, отступая от стойки на шаг назад. Здесь, на задней стенке, у него был приспособлен один из множества рычажков, с помощью которых корчмарь мог в единый миг обезвредить нежелательного посетителя. Старик, копошась в своем пропыленном подсумке, и знать не знал, что прямо сейчас он находится под прицелом мощнейшего самострела, припрятанного за одним из лубков. Наконечник стрелы слегка натянул поверхность рисунка в том месте, где у то ли ящера, то ли змея, находился глаз. Дед тем временем, наконец, рывком вытащил то, что искал, – Заяц едва не надавил рычажок, но вовремя удержался, увидев, что это всего лишь ветхая берестяная книга. Тем не менее, корчмарь остался стоять на месте, держа руку поближе к рычагу, мало ли что за книга у старика! Может, колдовская? Сейчас как вычитает из нее слова порчи, и ку-ку, встречай маменька своего сынишку Зайца! Одновременно забрезжила и другая мыслишка: а ну как старик принес книгу, чтобы продать. Недаром она вон, какая старинная, чуть ли не песок из нее сыпется. Заяц промышлял, чего тут скрывать, перепродажей всяких вещиц, что, случалось, попадали ему в руки, и делал на этом тоже неплохую, но к сожалению, непостоянную прибыль. Стоя подле рычажка, он уже начал на глазок оценивать возможный товар, хотя, конечно, многое зависело и от того, сколько запросит владелец. Заодно стоило прикинуть, кому книгу можно было бы перепродать: Семигору, который даст больше, или Божесвяту, который даст поменьше, но зато сразу? Вопрос не из лёгких...

Стряхнув с книги пыль и сор, – на мой чистый, (ну, ладно, почти чистый...), пол! – мысленно вскипел Заяц, – старик распахнул её где попало и вдруг негромко прочитал надтреснутым голосом:

*А в Небе – ни облачка, летнем,
И духи священных дубрав
Вослед смотрят воям – последним
Защитникам Древних Застав...*

Говорил-то негромко, но его отчетливо услышали все: и Заяц, и четверка постояльцев в углу. Курильщик аж поперхнулся от неожиданности. Изрекши все это, дедок заметно успокоился, а потом резко захлопнул книгу, от чего над нею поднялось маленькое облачко пыли, и принялся заталкивать её обратно в суму. От звука захлопнутой книги Заяц чуть снова не дернул за рычажок. Кто это такой? Не колдун, это точно. А кто? Священный безумец, пророк из прошлого или просто деревенский дурачок? Если священный безумец, то он сейчас непременно забьется в приступе, а потом потребует его бесплатно накормить, – ужаснулся корчмарь, ибо его заведению такое выступление пошло бы скорее во вред, чем на пользу. Накормить, конечно, пришлось бы, куда денешься, но лучше бы просто накормить, а не после дрыганья ногами лежа на полу. А если это дурачок, что вот-вот пустит слюну, то его следовало немедленно гнать, плюнув на его бормотания. Но если это пророк, то его слова стоило бы запомнить, – а ну как это бесплатное предсказание от Богов, ну, на цены там, или касательно налогов. Как в стишке говорилось? Последним защитникам? Духи дубрав. Заяц незаметно нацарапал пальцем то, что успел запомнить, на толстом слое пыли, обнаружившимся на внутренней боковине его стойки. Ну, Стенька, будет тебе на орехи за пылюгу! – мысленно пообещал корчмарь, и тут же дописал снизу, пока не запамятовал: «Изречено одноногим дедом».

Старик, – и куда подевался сначала деревенский раззява, потом стеснительный дедок, а потом и почти что священный безумец? – с чувством собственного достоинства подошел к стойке и вперил взгляд своих выцветших глаз в Заяца. Не обращая внимания на недоуменные взгляды из угла, а может и впрямь их не замечая, старик, как ни в чем не бывало, молвил, видимо, объясняя своё поведение:

– Так, проверял кое-что.

Объяснение ничего Заяцу не объяснило, но он с умным видом покивал своей крупной головой, как бы говоря: чего тут непонятного, бывает, что нужно человеку кое-что проверить с помощью оглашения какой-нибудь несуразности! Про себя же заметил: *не пророк*, и тут же забыл про надпись, сделанную на слое пыли.

– Мне бы перекусить с дороги, и закуток для ночлегу.

С этого и надо было начинать! – мысленно прошипел корчмарь, – А не устраивать тут непонятные проверки. Старик же услышал совсем другое:

– Вторая камора свободна. Там два окна с видом на двор, полатей четыре, но платить только за одно место, нужное ведро прямо при выходе стоит, для особо ценных вещей ларь на запоре имеется, – заторопился перечислять Заяц, и осекся, ибо вещей у старика при себе считай что и не было. – Э-э-э, вместе с кормежкой, одна ночь обойдется в четыре гривны.

Старик молча выложил на стойку перед Заяцем сколько было запрошено, получил в обмен на гривны увесистый ключ и потопал вверх по лесенке.

– Еду скоро принесут! – крикнул вдогонку Заяц.

Перед тем, как ссыпать гривны в свой передник, Заяц мельком отметил, что чеканка у них зибуньская. Да-а, эвон из каких далей старик... А может и не оттуда вовсе, а просто гривны ему такие в руки пришли, почему нет. Постояльцы из первой каморы о чем-то негромко переговаривались, и лишь курильщик с нескрываемым любопытством следил за происходящим у стойки, пуская носом две тоненькие струйки. Корчмарь зашел во внутренний покой, куда вела дверь за стойкой, и покликнул вечно сонного Докуку, своего помощника, можно сказать – правую руку. Пузатый увалень, с гладко выбритой головой, но заросший на щеках и подбородке преизрядной белесой щетиной, покачивался на ногах, почти не подавая признаков того, что бодрствует. Глядя на него, Заяц едва сумел подавить зевок. Докуке надлежало наскоро разогреть поесть нехитрую снедь, оставшуюся с обедней готовки, и отнести её новому постояльцу во вторую камору. Докука выслушал наказ, покивал головой в подтверждение того, что все понял, и отправился к печи, позевывая и потирая глаза.

Заяц воротился за стойку, снова взял в руки чашку и принялся натирать её концом рушника, давая мыслям неспешно течь. Докука хоть и спал на ходу, но дело своё знал, так что об ужине для старика можно было не беспокоиться. Так что же тогда смущало его? Что-то в связи со стариком? Ах, да! Книга! Какой бы там бред ни был написан, но книжица выглядела по настоящему древней. Стоило завтра поутру полюбопытствовать у деда, не продаст ли её, скажем, ну, гривен за десять? Ну, ладно, за пятнадцать! Заяц нутром чуял, что Божесвят отвалит за нее не меньше сотенки гривен, это к бабке не ходи. Точно, отвалит, и ещё будет на месте припрыгивать от радости, точно длинноухий тёзка корчмаря, что этакая диковина да в руки приплыла! Но ведь могло стать, что книга и побольше того стоит, и ведь этот торгаш не признается ничем. Надует и радоваться этому будет, что так ловко Заяц натянул нос. А сам потом знатным боярам книгу-то втридорога и перепродает, клоп малорослый! Эх, надо было таким вещам поучиться, чтоб старинные вещи опознавать, – посетовал сам на себя корчмарь, – а теперь-то поздно уже...

Мимо него прошествовал Докука, несший на деревянном блюде горшочек каши с вареными ягодами, пареную репку, три ломтя ржаного хлеба, соленого леща и кувшинчик пива (других напитков в заведении Заяца не подавали, но зато пиво было аж десяти видов, включая известнейшее «Комарьевское забористое»!). Глядя, как тот карабкается по лесенке наверх, так и не разомкнув до конца глаз, Заяц в который уж раз подивился этакому умению своего помощника. Ему бы на торгу выступать – всех скоморохов за пояс заткнёт!

Ладно, всё, постояльца устроили, гроши с него получили, еду отправили. Всё, вроде бы, в порядке, всё хорошо, а ведь всё одно на душе кошки скребут, от того, что пустил под свою крышу калеченного. Не случиться бы беде! Эх, мама, мама...

Вечерело. Примерно через час после того, как одноногий старик заполучил камору в своё полное распоряжение, в корчму ввалилось два дюжих молодца. Заяц глянул на них и внутренне сжался. Оба были *рыжие*, один совсем как огонь, а второй, ростом немного пониже, чуть-чуть светлее. Калека уже имеется, теперь вот ещё и эти! Подбородки у обоих были гладко выбриты, но один носил вислые усы на манер княжеских воинов, а второй оставил под носом только какой-то ершик. Здоровяки не стали осматриваться, как давеча тот старик, а уверенной походкой вразвалочку сразу направились к стойке, задержавшись разве что самую малость, чтобы присмотреться, кто там сидит в углу. Четверка, сидевшая в этом самом углу, глянула на новичков, но, получив ответный взгляд, полный невысказанных обещаний надавать кому угодно и за что угодно, как-то резко притихла, и даже курильщик в два движения притушил только-только запаленную самокрутку. Рыжий, тот, что посветлее, прежде чем окончательно повернуться к стойке, неопределенно хмыкнул.

Одежа, сидевшая на них довольно мешковато, как будто молодцы не привыкли носить такую, была хоть и пропылившейся, но вполне ещё новехонькой. Заяц мог хоть на сколько поспорить, что одели её в первый раз ну дней этак десять назад. Род занятий здоровяков определить можно было только приблизительно – скорее всего, тоже разбойники. Но не из простых, что по лесам да по дорогам промышляют с дубьем наперевес, а уж скорее из тех, что облагают податями всевозможные заведения. Тут впору бы обеспокоиться за свою безопасность, но на то хитроумные снасти и припасены, чтобы избегать, в частности, и таких вот неприятностей.

Усатый поманил корчмаря пальцем, и Заяц поспешно приблизив ухо. Громила спросил негромко, почти шепотом, видимо, не желая, чтобы слышали посторонние:

– Не заходил ли сюда одноногий старик?

При этом вопросе у Заяца внутри все так и заледенело, а потом обрушилось вниз и со стеклянным звоном разбилось на тысячу крохотных кусочков. Он отпрянул на шаг назад, шумно задышав. Говорила же мама, остерегайся! – возопил кто-то совсем маленький внутри него, – Что ж теперь делать-то? Сказать, или не сказать? Совру, так кто ж им помешает

пойти и проверить по каморам? И потом за вранье наказать?! Или сознаться и пусть сами разбираются? Ведь кто его знает, что там одноногий натворил? Может, прочитал свои дурацкие вирши этим двум, чем неимоверно их разозлил!

Неосознанно корчмарь потянулся к ложной полочке, что всегда была под рукой. Стоило только на нее слегка надавить и... Рыжий верзила пригрозил ему пальцем:

– Даже и не думай! Нам твои тайники как на ладони видать. Добрая снасть, спору нет, но ты все равно не успеешь ничем воспользоваться. Так что, опусти руку и подойди ближе.

И Заяц поверил, что и впрямь ничего у него не выйдет. Сделав вид, что ничего собственноручно он такого и не задумывал, корчмарь вернулся к стойке. Взвесив все за и против, под прицелом двух пар внимательных глаз, он решил сознаться, внутренне приготовившись к погрому, который за этим последует:

– Д-да, – выдавил он из себя. – Был такой. Во второй каморе ночует. Это там. – И показал пальцем наверх.

В разговор вступил другой здоровяк, тот, что с ершиком под носом, он же светлорыжий. Он хлопнул корчмаря, обреченно пялящегося себе под ноги, по плечу:

– А ещё места у тебя найдутся? В другой каморе, понятное дело.

Заяц часто закивал, в горле словно застрял комок, не давая выдавить членораздельных звуков, и он показал на пальцах, что осталось ещё две свободных каморы, по четыре места каждая. Тут же последовал хлопок по другому плечу. Синяк будет! – расстроился корчмарь и даже жалостливо шмыгнул носом.

– Вот и отлично! – это уже усатый, – Мы остановимся в той, что поближе к каморе деда. Сейчас перекусим и пойдем устраиваться. И смотри: старику ни слова! А на стол давай всего и по две порчи на брата.

Заяц внутри себя, конечно, изумился. Пришли вроде как по душу этого старика, а теперь вот рядом с ним ночевать собираются! Но потом дотумкал: так это ж они нарочно, глаза ему отводят! Будто бы почивать пойдут, а сами посередине ночи своё темное дельце-то и провернут, как собирались. Что ж, коли самострелами и потайными люками он помешать им не в силах, пусть тогда все идет, как идет. *После*, он обязательно помолится за старика...

Заяц понимающе кивнул и поплелся уже было будить Докуку, но его вежливо придержали за рукав железной хваткой.

– Сколько?

– А? Чего сколько? – Заяц понимал сейчас только одно – новых постояльцев надо накормить, а ночью... Ночью будет резня, и поэтому вопрос этих рыжих верзил попросту не доходил до него. В голове крутилась только одна заезженная мысль: говорила мне мама!

– С нас сколько?

Спрашивали явно про стоимость ужина и ночлега. С трудом сосредоточившись, Заяц принялся соображать – сколько. С двоих – восемь гривен, и ещё две за душевный ущерб.

– Двенадцать гривен! – пискнул Заяц ни с того, ни с сего. И чуть не добавил: с каждого!

– Лихо! – усмехнулись здоровяки. Усатый, он наверное был заводилой, стал медленно засучивать рукава. Заяц понял, что за неумеренную жадность сейчас его будут наказывать, а может и вовсе убивать, и посему принялся горячо молиться, смежив очи: Маменька, присмотри для сынка своего уютный уголок в Ирии небесном; прощай этот свет, здравствуй кисельный берег молочной реки!

Звон полновесных гривенников отвлек его внимание от молитвы, и корчмарь раскрыл глаза. Перед самым Заяцевым носом располагалась ладонь, почти такая же широкая как его собственное лицо, а на ладони горкой возлежали золотые гривны. Светлорыжий, видимо, устал ждать, держа руку на весу, посему спросил:

– Ну?

Корчмарь так споро смахнул гривны в кишень своего кожаного передника, словно их никогда и не было на стойке, заметив краешком глаза, что чеканка, такая же как и у гривен старика – зибуньская. Крайне любопытно! Таких случайностей не бывает. Значит, все ж таки из Зибуней народ... Ну-ну... Способность здраво рассуждать уже вернулась к нему, и теперь Заяц сожалел, что не запросил с этих дуболомов хоть чуток побольше. Обведя горенку широким жестом, он со всей доступной ему сейчас любезностью, предложил им располагаться где пожелают, пока разогревается ужин. Усатый шутливо ткнул своего напарника в бок пудовым кулачищем и сказал:

– Давай, Белята, выбирай, куда сядем?

Светлорыжий, оказавшийся Белятой, начал неспешно закатывать рукава, качнув подбородком в направлении подходящего места:

– Вон тот столик в углу должно быть скоро освободится, там и перекусим.

Четверо постояльцев поняв, что речь идет именно об их столе, единственном занятом во всей горенке, спешно поднялись и утопали наверх один за другим, бросая на здоровяков косые взгляды. Заяц испуганно проследил за всей этой сценой, в который уж раз обругав племя рыжих. Проверив хлопком по карману передника, на месте ли гривенки, он поспешил исчезнуть за дверью, ведущую во внутренние покои. Докука, узнав, что нужно разогревать ещё на два рта, да притом всего что есть и в двойном количестве, сонно пробубнил:

– Что они там, с ума посходили, что ли?! На ночь наедаться!

В ночное время, когда Докука хотел спать больше всего на свете, в его устах это была на редкость длинное речение, причем гневное, отражающее всё внутреннее негодование Докуки, которого то и дело будили, чтобы приготовить еду для каких-то бездельников, не дающих отдыхать порядочным людям!..

Заяц оставил помощника наедине с его праведным гневом, вернувшись за стойку. Мрачно уставившись в спины дуболомов, что по-хозяйски развалились за глянувшимся им столом, он погрузился в свои невеселые размышления. Гривны, это конечно, хорошо, но ведь в его почтенном заведении СРАЗУ оказались и калеченый, и рыжие! Ужас-то какой! До кучи не хватало только белоглазого, упаси Велесе!

Не прошло и получаса, как отужинавшие здоровяки, шумно топая, поднялись по лестнице в свою камору, когда в корчму заглянул новый гость. Заяц был занят тем, что прислушивался, не донесутся ли со второго поверха звуки борьбы, посему его приход прозевал. Ночной гость словно возник из ниоткуда, пройдя аж до середины горенки, прежде чем корчмарь обратил внимание на его появление. Ни дверь, ни половица даже не скрипнула, – удивился Заяц. – Через стену что ль просочился? Шаг у незнакомца был мягкий, стелющийся. Кожа, – из-за того, что в потемках, что ли? – казалась серой, черные волосы гладко прилизаны, а сам он был на удивление шуплым. Даже сейчас, когда Заяц видел его прямо перед собой, звука шагов он все равно не слышал. Человек ни разу не шаркнул, словно плывя над полом. Глянув в его чуть навывкате глаза, корчмарь обомлел: а вот и белоглазый! Не упас Велес-батюшка! Не то чтобы у нового гостя были глаза молочного цвета – такие бывают у слепцов, а перед корчмарём стоял зрячий – но их серая блеклость, безжизненность во взоре, должно быть и была тем самым белоглазием, от которого предостерегала матушка. Все собрались под моей крышей! – беззвучно вскричал Заяц, – Все! И рыжие, и калека и эта рыба-человек!

Но, что было совсем нехорошо, так это то, что от белоглазого отчетливо тянуло опасностью. У Заяца на это дело имелся совершенно особый нюх, и ошибки тут быть не могло! Словно холодный сквознячок по нервам. Брр! В пору было посмеяться над своими страхами относительно тех рыжих дуболомов, бывшими безобидными овечками по сравнению с этим шупленьким на вид мужичком.

Опасный гость тем временем успел подойти к стойке и теперь внимательно изучал корчмаря блуждающим взглядом своих безжизненных блеклых глазенок. Чего он тянет, чего молчит, сволочь?! – внутренне трясся Заяц, но внешне никак этого не выказывал. Только сейчас он обратил внимание, что мужичок держит на виду только одну руку, правую, в то время как левая прячется за отворотом изрядно повитершейся душегрейки. Оружие прячет! – скумекал Заяц, – Развелось же лиходеев, эти их за ногу!

Словно переступив с ноги на ногу, он слегка переместился, оказавшись на расстоянии вытянутой руки от ложной полочки. Одно движение, и неприятный человечек перестанет пугать его своим присутствием. Самострел, один из многих, был сейчас нацелен ему прямо в сердце. Мужичонка сморгнул, – словно серая пленка подернулась вверх-вниз, – и неуловимо быстро переместился несколько в бок, выйдя из прицела стрелы. Ну, чертяка! – ругнулся Заяц, и подшагнул обратно к стойке. Стоило сейчас надавить на рычажок и лететь тогда опасному гостю во сырой погреб. Мужичок мигом сошел с потайного люка. Вот ведь таракан, а! – возмутился корчмарь. В неверном свете лучин, лицо мужичка всё время словно перетекало. То вроде как виделся кто-то носатый, с трехдневной щетиной, то некто с хищным взором, кривой ухмылочкой, на вроде «а вот кого мы сейчас зарежем?», то приобретал он чуть ли не женские черты. Заяц всё никак не мог определить, какой из этих обликов настоящий. Ну, да и Велес с ним, с этим обликом, ведь скачет же, подлая душа, аки блоха на сковороде! Из подручных хитрых снастей, что могли бы сейчас Зайцу помочь, оставался только один – потолочная сеть. Мало кто из посетителей додумывался глянуть на потолок, ну а если бы и глянул, то увидел там всего лишь обычную рыбацкую снасть, натянутую меж балками. Ну, сеть и сеть, мало ли с какой такой блажи корчмарь решил украсить ею потолок своего заведения! Может, корчмарёв пра-пра-прадед уловил этой самой сетью русалку, и водяной Хозяин, чтобы выручить свою девку, отвалил рыболову полпуда лучшего жемчуга, на который тот и обустроил заведение... Однако стоило хозяину корчмы топнуть посильнее по одной из половиц, как сеть тотчас бы рухнула вниз, запутывая врага с ног до головы. Впрочем, не только врага, но и множество другого народу. Снасть перекрывала всю горницу от стены до стены, за исключением стойки, где, собственно, располагался сам хозяин.

И снова мужичок опередил его, хотя Заяц, честно говоря, уже занёс ногу, чтобы топнуть. Белоглазый в миг подскочил к стойке, очутившись нос к носу с корчмарем, и теперь сеть была ему не страшна. Внешности гость оказался крайне невыразительной, весь какой-то смазанный, неприметный, серый, хотя и темный волосом. Ну да теперь Зайцу и вовсе не до нее было, не до внешности этой, ибо корчмарь с превеликим удивлением обнаружил, что у него в горнице, оказывается, есть «слепое место», куда ни одна из его оборонных снастей не достает. Вот те на! И что же теперь будет? И вообще, может ему закричать? А? Дуболомы, может, на подмогу набегут? Или Докука, сонная тетеря, подскочит? Но, глянув на спрятанную за отворотом душегрейки руку, Заяц понял, что и дуболомы ему не помогут. Просто не успеют...

И тут ночной гость, впервые заговорил. В пустой горнице слова его прошелестели прошлогодними прелыми листьями:

– Место на ночь найдется? И поесть?

Снова в Зайце произошла внутренняя борьба. И чтобы ему отказать белоглазому, так нет же: жадность победила здравомыслие, и корчмарь с самым важным видом сообщил, что хотя почти весь двор занят, у него отыщется одна камора для гостя. Но дорогая, потому что последняя незанятая! Шесть гривен за ночь. А почему бы и не задрать цену, спрашивается? Пушай платит, коли так приперло! Пользу свою, знаете ли, никогда не стоит упускать: гривна, она счет любит. Причем крупный!

Гость глухо пробормотал, причем, словно не для ушей корчмаря, а так, размышляя вслух:

– Довольно будет и одной гривны, я так думаю...

И так на корчмаря посмотрел, что тот спешно закивал головой: да, да, одной более чем достаточно! Более чем! Ляд с ними с гривнами, только не надо вот так смотреть...

– Хорошо. А теперь перекусить бы. Всё равно чего...

Заяц всё прекрасно слышал, но те не менее не сдвинулся с места. Если гость знаком с дорожной жизнью, то должен сообразить, что означает это молчаливое топтание корчмаря на месте. И белоглазый сообразил: свободная рука его проскользнула по стойке бескрылой птицей так споро, что Заяц не успел даже испугаться. Как по волшебству, на стойке осталось лежать три гривны. Одна за ночлег, а ещё две, стало быть, за ужин. Гривны, что отчетливо бросалось в глаза, были все той же зибуньской чеканки. Ну и ну! Заяц себя дураком не считал, и сложить два и два, образно выражаясь, мог и даже очень. Четыре постояльца за один день, причем всех принесло из захолустных Зибуней. Гривны этого городка, бывало, проходили через его руки, и даже один раз ночевали у него трое зибуньских купцов. Но всего раз, и это за двадцать лет, которые он держит свой постоянный двор! А тут сразу четверо (ну, да, да, помню – двое вместе, двое – по отдельности), и у всех при себе монеты одного и того же города, до которого черт знает как далеко. Выходит, и этот белоглазый по душу одноногого старика явился. Дела!

– Сейчас распоряжусь, чтоб подогрели, – молвил Заяц, исчезая за дверцей. Дверцу, заметьте, учтиво притворил, да не до конца. Маленькую щель все ж таки оставил. Потопав по полу, словно он куда-то ушел, корчмарь, затаив дыхание, жадно прильнул к щели. Увиденное не особо его и удивило. Мужичок неслышной своей походной зашел за стойку, осмотрелся, пожевал свои тонкие губы, – мелкое личико его при этом стало задумчивым-прездумчивым, – а потом раз! и пригнулся аккурат над тем местом, где Заяц на пыльном слое записал бред, который провозгласил давеча тот старик. Что там было-то? – задумался Заяц, – Что-то про духов дубрав. Это точно. И ещё отмечено, что это запись со слов одноногого старика. Ага! Видать наш пройдоха уже разнюхал, что ему было надо. Прочитал. Ну, ну!

Старясь шагать как можно тише, корчмарь отправился на поиски Докуки, которому, – вот бедолага, – в который уж раз за вечер было нужно проснуться и стготовить поесть. Правда, теперь уже на одного, и всё равно чего. Докука пошёл готовить безропотно и не раскрывая глаз. Заяц в который раз подивился этакому чуду природы, а потом заторопился назад, хотя, честно говоря, пребывать один на один с таким постояльцем, да ещё по ночной поре было занятием не для робких.

Выходить в горницу не хотелось. Там как будто стало холоднее. Да и несколько лучин успели погаснуть, позволив темноте расширить свои владения. Мужичок снова стоял перед стойкой, словно никуда с места не отлучался. Все такой же спокойный, такой, словно *скользкий*, что ли? И опасный. По прежнему опасный. Хитрим, да? – хмыкнул про себя корчмарь, выходя вперед, – Самый умный, думаешь? Ну, ну, поглядим, кто тут у нас поумнее найдется!

Заяц имел в виду, разумеется, самого себя, хотя каким образом ему надлежит перехитрить мужичка, он ещё даже не задумывался. Притворив за спиной дверь, он прокашлялся и сообщил:

– Скоро всё будет готово. Садись, куда пожелаешь, ну, хоть вон за тот столик.

Мужичок изобразил на лице некое подобие улыбки, больше похожий на волчий оскал, и пошёл к столу. Но не к тому, который указал ему корчмарь, а туда, где уже успели посидеть сначала четверо постояльцев, несомненно, *с темным прошлым*, а потом ещё те два дуболома. И чем он их всех так манит, этот стол? – подивился Заяц. А впрочем, ему какое дело? Хочет сидеть там, пусть сидит. За ваши гривны – любые развлечения.

Корчмарь мельком глянул на боковину стойки, где было записано что-то из безумств одноногого деда, но не обнаружил там и следа. Мужичок, – вот ведь таракан и есть! кто ж его, мерзавца, просил, а?! – стер все до единой букочки. Тщательно так протер пыль, куда

там Стеньке. А чего, времени-то было предостаточно, покамест он там Докуку тормозил. Ну, таракан зибуньский, ну, мы ещё посчитаемся! Погоди!

Пока новый постоялец жадно и не жуя глотал наскоро приготовленную Докукой снедь, хозяин корчмы прошелся по горенке, запалив побольше новых лучин. Мысли, одолевавшие его, никак не соответствовали веселому потрескиванию огоньков на кончиках щепаной липы. Мужичок даже во время еды не вынул руку из-за отворота душегрейки. О-хо-хо, маменька, что-то завтра будет!

ГЛАВА 2

По утрам в корчме обычно хозяйничал сонный Докука. Дурочка Стенька, самоходом дотопавшая до заведения, прибиралась по горнице, мела углы, замывала полы, столы и окна, потом немного помогала Докуке с готовкой и мыла скопившуюся грязную посуду. Заяц до десяти часов утра (ну, ладно, ладно! до одиннадцати...) преспокойно отсыпался, во всем положившись на верного помощника. К полудню за стойку вставал сам корчмарь, а Докука отвозил Стеньку обратно в её родные Опятичи, сельцо недалеко от их корчмы, где закупал необходимое продовольствие, иногда по списку, нацарапанному для него Зайцем на бересте. В целом сложившийся распорядок был незамысловат, и с хозяйством они с Докукой, закоренелые холостяки, вполне справлялись на пару. Помощник колдовал у печи, готовя еду для постояльцев и для тех, кто проездом останавливался у них, а когда Докука уезжал, Заяц лишь ставил наготовленную им впрок еду подогреваться в печь, где всегда теплился жар.

Новое утро вместо того, чтобы все расставить по своим местам, только окончательно запутало и то немного, что Заяц ещё понимал. Корчмарь встал в прескверном настроении духа. Спалось плохо, он то и дело просыпался в холодном поту, ибо мерещился ему дух убиенного одноногого старика, что тянул к Зайцу свои костлявые руки и зывал замогильным голосом: «За сколько продал меня, злодей?» Обидно было, право слово, ибо ведь ни гривенки не взял, вот ей-ей!

Сотворив поясной поклон перед чуром Велеса, что скромно притаился в красном углу, корчмарь поспешил во внутренний двор, привести себя в порядок. Два ушата холодной воды смыли привкус неприятного сна, но вчерашние неприятности никуда от этого не делись. Рыжие то ли собирались расправиться, то ли уже расправились с одноногим, а за ними всеми приглядывал белоглазый. Худо-то как!

Воротившись в корчемную горницу, он сумрачно огляделся. В дальнем углу о чем-то своем как уже повелось точила лясы неразлучная четверка разбойников, за двумя другими столами скоренько работала ложками немногочисленный проезжий люд: за одним столом толстый купец с двумя то ли сыновьями, то ли помощниками, такими же толстомясыми, как и он, за вторым – седой мужичок с мальчонкой, на вид горшечники. У купца на столе в придачу ко всему прочему дымился жирный гусь, запеченный по особому докукиному способу (с кашей внутри, два часа на углях, поливать подливой из чеснока, пережаренного лука и мелко порезанных яиц), а вот у горшечников похлебкой с ломтями хлеба всё и ограничивалось. Докука коротко изложил обстановку, прикрывая рот во время зевания. Зевал он так заразно, что Заяц, лишь недавно вставший с постели, снова захотел свернуться калачиком под одеялом. Во время особо мощного зевка, который по всем законам природы должен был окончиться вывихом челюсти, Заяц услышал испугавшую его весть. Хотя, чего там, испугавшую?! Именно её он и ожидал услышать: старик до сих пор не выходил из своей каморы. Вот как, значит, – покивал он головой в такт своим мыслям, – Всё-таки добрались до одноногого.

– А рыжие? – спросил Заяц.

Рыжие, как оказалось, спустились перекусить ещё в самую рань, а потом снова ушли наверх, и с той поры то один, то другой через раз выглядывают в горницу, посмотрят по стономам, и сразу назад. Заяц нахмурил брови: вот как? Это было странно. Более чем странно! Если они уже *уладили* свои дела со стариком, то чего же они до сих пор отсиживались здесь? Может тогда деда не они *уговорили*?

– А щуплый такой, который последним прибыл, он чего?

Докука почесал свой преизрядно выпирающий живот, приоткрыл один глаз, что означало немалую степень удивления, и поведал, опять же, на удивление многословно:

– Два раза появлялся. К завтраку подсел к постояльцам из первой каморы. О чем говорили – про то не знаю, но, судя по всему, те приняли его тепло. А потом ещё раз спускался, как раз не задолго до твоего прихода.

Стало быть, и не белоглазый. Иначе бы его и дух уже простыл. Тогда ж кто порешил старика? Кто?

– А хрен его знает! – пожал плечами Докука, – А чего, его и впрямь убили?

Как оказалось, волнующий его вопрос Заяц произнес вслух, причем достаточно громко. Сидевшая в своем излюбленном углу четверка из первой каморы насторожено заозиралась, купец подавился ножкой гуся, сыновья-помощники дружно застучали ему по спине, а горшечники скоренько доели и поспешили прочь. Пришла очередь корчмаря жать плечами:

– А хрен его знает! Но ведь до сих пор из каморы не вышел.

– Может, спит? – нет, положительно, сегодня Докука был не просто разговорчив, а таков, как будто напал на него поистине неудержимый приступ болтливости.

– Столько живые люди не спят! – сказал, как отрезал, Заяц.

– Так может прихворнул? Я читал что есть такая болезнь – «ханьская лихорадка». Человек от нее желтеет, ссыхается, и все время дрыхнет, пока не превратится в мощи!

– Пойти, глянуть, что ли? – с сомнением в голосе, произнес корчмарь.

Докука одобрил его решение широким зевком:

– Дело говоришь! Ты сходи, глянь, а мне уже скоро собираться в Опятичи. Надо колесо у телеги посмотреть, как бы не полетело в дороге.

И ушел. Слушая, как он ругает на дворе растяпу-Стеньку, Заяц напряженно размышлял над нелепым устройством мира, где помощник может указывать своему непосредственному начальству, что тому делать.

И впрямь, схожу, пожалуй, – решил корчмарь, хотя всей душой не хотел этого. Чего он там увидит, и так понятно – следы насильственной смерти, а уж какой, так то без разницы. Но ведь все равно идти придётся: чей постоялый двор – тому и тело убирать... Жаль старика, хоть он и одноногий!

Заяц трижды подышал особым способом, который он вычитал в старинной книжице, под диковинным названием «Спать у Реки Жизни». Способ должен был дать Заяцу неземное спокойствие перед лицом грядущих потрясений. Так, по крайней мере, обещала книжица. На всякий случай, подышав ещё несколько раз, он поднялся по поскрипывающей лестнице наверх и остановился перед дверью второй каморы. Про запасной ключ, лежащий где-то возле стойки, он сейчас даже не вспомнил, задумавшись над выбором: постучаться или ломать с разбегу. Стучаться, право слово, было глупо, учитывая то, что жилец каморы должно быть уже и не жилец вовсе. А ломать дверь, во первых, жалко, во вторых – больно, в третьих – а вдруг там есть кто живой?

Попытки заглянуть под дверь и в замочную скважину ни к чему не привели. Обзору мешало совершенно всё. В первую очередь широкие Заяцевы щеки, борода, застревающая везде и всюду, да ещё нос упирался в дверные доски. А когда корчмарь елозил по полу, то едва не занозил заголившееся пузо. Вынутый из-за пояса нож, – ну, небольшой такой ножичек, хозяйственный, – нисколечко не помог, хотя корчмарь и старался им ковырнуть в проеме двери. Ну, знаете ли! – в конце концов разозлился Заяц и стукнул кулаком по преграде. Дверь, открывавшаяся наружу, неожиданно приотворилась. Старик, оказывается, – вот простая душа, деревенщина, – даже и не подумал запереться на ночь. Из каморы послышался слабый стон...

Заяц обомлел. Пока дверь казалась запертой, он был готов приложить все усилия, чтобы попасть внутрь, но вот сейчас, когда путь был свободен, неизвестность пугала его. Сейчас самый полдень, я здесь не один и нахожусь при этом в своей собственной корчме, где знаю всё как свои пять пальцев, – перечислил Заяц причины, по которым ему не имело смысла

чего-либо бояться. Потом ещё несколько успокоительных дыханий из книжицы «Спать у Реки Жизни» и смелости прибавилось ровно на столько, чтобы растворить дверь пошире.

Старик лежал, разметавшись на постели, до самой шеи прикрытый белым полотнищем, и от этого изрядно смахивая на усопшего. Нос болезненно заострился, глаза словно запали вглубь, а кожа выглядела серой. Он часто дышал, постанывая и что-то то и дело порываясь сказать. Губы деда шевелились, но с того места, где стоял Заяц, не было слышно ни звука. Первое чувство, что испытал корчмарь, было облегчение: старик всё ж таки жив! Стало быть, хлопоты с выносом тела и всей прочей морокой, откладывались. Уже хорошо! Но сразу после этого Заяц спохватился – что же это выходит, неужто и впрямь захворал старый?! Ну, это, знаете ли... Не хватало ему ещё в корчме заразных держать! Нет, он, конечно, готов отнестись с пониманием, но делу его от таких постояльцев только вред один. Кто ж захочет рядом с больным ночевать и столоваться? Как только кто из постояльцев прознает о том, так тотчас же снимутся с места. Ну, рыжие и белоглазый, может, и останутся, а вот четверка разбойников, так те точно уберутся подальше. Терять такой прибыток, да в придачу приобретать дурную славу, Заяц был сегодня совершенно не настроен. С решительным видом он, так и не убрав ножа, зашел в камору, сам ещё толком не зная, что и как будет делать, хотя в целом задача была предельно ясна: выселить старика из корчмы, желательно по-хорошему.

На столике возле стены валялась сумка старика, из которой торчал краешек той самой книги, с какими-то безумными то ли предсказаниями, то ли просто виршами. Мигом забыв о своих полувоинственных намерениях, Заяц алчно трясущимися руками вытащил её и потянул носом аромат старинной бересты. Да нет, не бересты даже, а золота! Полновесных червонцев! Старинная, эти её мать! Бережно отворив обложку, корчмарь прочитал полустершееся название, которое ему ничего не сказало, кроме разве того, что книга все же содержала в себе пророчества: «*Зазибуньские тайнословия*». Зибуня, значит? Ага! И гривны у всех вчераприбывших как раз оттуда, из Зибуней... Ну, ну!

Ниже была сделана совсем уж слепая приписка тем же почерком, но Заяц не пожалел зрения, и, сильно сощурившись, все же умудрился прочитать: «*Се писано волхвом Велеславом, Велеса Вещего ради*» Хм, прелюбопытно, сколько можно заломить у, скажем, Божесвята за редкую (а тут и гадать не надо, сразу видно, что редкая) и при этом изрядно древнюю книгу? Ладно, потом разберемся. Попозже...

Припомнив, с каким вдохновенным видом старик читал из книги предвещание, Заяц непроизвольно повторил его: придал себе гордую осанку, выставил ногу вперед, распахнул где ни попадя страницу и, воздев руку с ножом вверх, с чувством провозгласил на всю камору первые попавшиеся на глаза строки:

*Я ли смерть заклинаю?
Я ли её приму?
Ночь...*

– И что это мы тут делаем? – прорычал негромкий такой голос у него за спиной.

Заяц от испуга чуть не подпрыгнул на месте. Непроизвольным движением руки он засунул книгу за пазуху, и только потом обернулся на голос, причем так резко, что длинный хвост волос ухитрился закрутиться ему вокруг шеи, напоследок облепив все лицо. Отплевавшись, корчмарь обнаружил прямо перед собой рыжего усача, что уже успел пройти по каморе пару шагов.

– Э-э... м-м-м... – проблеял Заяц. От неожиданности, он даже не мог придумать, чем бы отовратиться от этого громилы.

Рыжий сверлил его глазами и уходить совершенно не собирался. Более того, он зачем-то начал разминать кисти рук, многозначительно покусывая кончик уса. Второй здоровяк уже

маячил у него за спиной, заслонив единственный выход. До Зайца не сразу дошло. А когда дошло, он покрылся холодным потом, несмотря на то, что стояла полуденная жара, – как никак месяц кресень на дворе. Это же те самые *рыжие*, что о старике вчера спрашивали! Они ж, эти рыжие, сами одноногого порешить собирались, и что они видят в каморе у деда? Хозяина заведения они видят, да ещё с ножом в руках, на ближних подступах к мечущемуся на постели деду, и возглашающего какую-то чепуху про смерть! Прямо чёрная ворожба получается! Слава Чернобогу, тра-та-та, и его матери, блин... И пойдёшь, объяснишься с ними в таких вот условиях...

Нож выпал из безвольной руки, брякнувшись о пол с глухим стуком. Сейчас, наверное, будут устранять свидетеля, – подумал кто-то безмерно опечаленный, находящийся внутри Зайца. – Отпрыгался, Зайчик...

Однако же, надежда умирает последней, и корчмарь, в общем-то уже приготовившийся пасть красивой смертью храбреца, не утраившегося численно превосходящего противника (да! двое на одного!), вдруг что-то этакое невнятное пролепетал, чего и сам тут же застыдил:

– А я шел мимо, смотрю, дедушка-то прихворал видать...

– И решил заглянуть? – уточнил рыжий, которого звали Белята.

Ой, ну до чего же мерзко оправдываться перед какими-то рожами, вместо того, чтобы броситься на них, как бесстрашный герой древности, согнуть их в бараний рог, изрубить в капусту, разорвать в лоскутки... И опять, самому себе противным голоском, Заяц подтвердил:

– Именно! Заглянул проведать.

– С ножом наголо и заклинанием смерти на устах? – подивился усатый. – Славные в этих краях представления о милосердии! Не приведи Боги захворать в пути...

Рыжие перестали разминать кулаки, и Заяц решил истолковать это в том смысле, что смертоубийство откладывается (хотя, конечно, могло оказаться, что они их, свои пудовые кулачищи, просто уже достаточно размяли). Вдохновение подперло к самому горлу, и Заяц был уже совершенно готов чего-нибудь этакое красиво наврать, но в этот миг дед застонал. Рыжие дуболомы сорвались с места, сметя корчмаря со своего пути. Однако встали они не прямо подле старика, а так, чтобы видеть его самим, но чтобы он их увидеть не смог. Отметив это обстоятельство, Заяц тоже подошел ближе, потирая зашибленное плечо.

– Что ты с ним сделал, винный ты червь?

– Я? Да он сам!.. Человек подхватил где-то в дороге хворь, может даже эту... ханьскую лихорадку! У меня свалился в горячке, а я, что же, выходит, во всем этом виноватый?!

От избытка чувств, Заяц аж начал багроветь, а левое веко его нервно задёргалось.

– Заболел, говоришь? – переспросил рыжий Белята.

– Именно! – брехливое вдохновение, что ни говори, все же подперло вовремя, – Сразу ж видно, что у него, она, эта... Ну, ханьская лихорадка! Да-да, признаки все налицо! Бредит во сне и мечется на постели. И поэтому старика надо срочно из корчмы вынести на свежий воздух. А ещё лучше немедленно перевезти его в дереvuшку тутошнюю, Опятитчи, пусть он там поживет, подлечится. Там как раз и знахарь есть, он деда в раз на ноги поставит!

Мыслишка была хорошая: одноногого сплавить из корчмы подальше, а за ним, в этом можно было не сомневаться, переберутся и остальные участники всей этой кутерьмы – рыжие лбы и тот шуплый недомерок.

– Старик останется здесь, в корчме, – сказал, как отрезал, усатый. – А знахаря вызовешь сюда.

– Позвольте! – вскричал Заяц, ибо, когда дело касалось деловых интересов, он был готов забыть о нависших над ним мнимых и настоящих опасностях, и драться до последнего, – А кто будет платить за его пребывание, за питание, и за вызов знахаря? Кто? Волхв Велеслав?

Про волхва было сказано отнюдь не случайно, а с дальним прицелом. Заяц хотел проверить, как поведут себя рыжие здоровяки, услышав это имечко. Что и говорить, проверка уда-

лась! Те мгновенно насторожились, быстро переглянувшись между собой. То-то же! – внутренне возликовал Заяц, – Знай наших! Теперь поломайте-ка голову, что мне известно, откуда? А я погляжу да тайны у вас повыспрашиваю. Обменяемся, так сказать...

Рыжий усач сделал какое-то молитвенное движение, тут же подхваченное его напарником, что-то на вроде складывания ладоней перед грудью, а потом обронил:

– Не знал, что и в вашем захолустье слышали о нашем великом волхве. Ну, да ладно, к делу это не относится. Как я сказал, дед останется здесь до полного своего выздоровления. Пока он хворает, за него заплатим мы: и за постой, и за харчи, и знахарю тоже. Это раз. Второе: никому про его болезнь знать не обязательно. Про то, что платили мы, старик знать не должен, имей это ввиду. Если будет спрашивать, скажи, что помог ему из милосердия. Это три. Ещё вопросы?

Заяц напряженно размышлял. С волхвом Велеславом не выгорело. Что ж, досадно, но не смертельно. Чтят они его там, у себя в Зибунях, вот и всё. Небось, какой-нибудь местный небесный заступничек, от золотухи там, оберегает, от медвежьей болезни... А вот то, что у него в корчме теперь распоряжаются эти две рыжие морды, так это уже гораздо хуже. Мама, мама, как же ты была права!.. С другой стороны, книга дедова уже вовсе и не дедова. Да ещё за пребывание старика платят дуболомы (ну прямо до зуда любопытно, кто ж они ему?). Кстати, самому старику Заяц вовсе не собирался рассказывать про своё удивительное милосердие. Встанет на ноги – получит счет. Только бы рыжие не прознали...

Чтобы сказать хоть что-то, Заяц прикинулся человеком немножко недалеким, и переспросил:

– Так что же, знахаря, значит, сюда звать?

– Уже давно пора! – рявкнул Белята.

Корчмарь думал было бежать выполнять, но тут старик вдруг заговорил. С жаром, порываясь то ли встать, то ли что-то показать, как это бывает у бредящих больных. Заяц не собирался упускать возможность узнать побольше, ибо в бреду люди рассказывают весьма много прелюбопытного.

– Там они... Там! Я же помню... Иду, как не идти?! Ведь должен же...

Рыжие растерянно переглянулись. Ага, не понимают, о чем говорит, – сообразил Заяц. – Послушаем дальше. Старик вдруг уставился на него, подошедшего слишком уж близко:

– Любава? Ты как здесь, откуда? Я что-то весь горю, как в огне... И пить хочется. Ты не думай, нет, я дойду. Я обязательно...

Не договорив, дед снова рухнул на постель, бессильно раскинув руки, словно подраненная птица.

– Во как! Про Любаву говорил чего-то... – растерянно произнес Белята.

– Цыц ты! – обронил усатый, кивнув в сторону Зайца.

Любава, говорите? Запомним имечко, запомним! Заметив, что оба дуболома бросают на него косые взгляды, он заторопился к двери:

– Тут непременно нужен знахарь! – громко изрек он, почти выметаясь из каморы, – И я уже немедленно за ним посылаю! Немедленно!

– Докука, эй! Докука, где ты есть, сонный тетерев? – загомонил корчмарь уже на лестнице.

Помощник отозвался со двора:

– Туточки мы. Чего надо-то?

Телега была запряжена каурой пузатенькой коняшкой по имени Многоног, на разбросанном по возку сене восседала улыбающаяся солнышку Стенька с узелком в руках, а сам Докука возился уже на передке, готовый тронуться в путь.

– Чего гомонишь? – снова спросил он у Зайца. Корчмарь рассержено засопел, выказывая недовольство столь непочтительным обращением к нему со стороны помощника. И ведь, зараза, сидит повыше него, когда он стоит на своих двоих. Стенька прыснула в кулачок. У,

дурёха! Решив не обращать внимания на такое очевидное неуважение, корчмарь важно надув щеки, изрек:

– Сразу по приезду загляни к Чуричу. Скажи, что у нас постоялец прихворал, пусть съездит, посмотрит. Оплата, скажи, будет, какую спросит. И пусть...

– Я же говорил – у старика ханьская лихорадка! – перебил его Докука, – Я ему говорил, а он и слушать не захотел! – это он уже Стеньке.

– И пусть захватит свои зелья. Чего надо закупи, и его на обратном путихватишь. Все понял? – Заяц побагровел, но ещё сдерживался. Хотя треклятые упражнения по особому дыханию из книжки «Спать у Реки Жизни» почти уже не помогали. Одно только и грело душу – увесистая добыча за пазухой.

– Понял, понял, – хмыкнул помощник. – Привезу, если он на мельнице не будет шибко занят.

Хлопнув кнутом, Докука напугал Многонога, и тот споро потрусил со двора долой.

Знахарь Чурич, обитавший в Опятичах, на самом деле был мельником. Тот же Заяц частенько по этому поводу недоумевал, как так получилось, что какой-то обычный мукомол прослыл в народе знатным лекарем. Поселившись подле Опятичей, корчмарь долгое время за глаза дразнил Чурича деревенским коновалом, и посмеивался над его лекарскими потугами, до той поры, пока не случилось ему самому свалиться с ног от простого насморка. Тут уж, хочешь, не хочешь, пришлось сдаваться на милость этого самого «коновала». Чурич старых обид припоминать не стал, и за одно посещение выходил Заяца, который, чего уж греха таить, до того худо себя чувствовал, что начал зачитывать Докуке своё завещание. С того раза корчмарь безоговорочно уверовал в возможности мельника, хотя так и не понял, почему тот не меняет своё почетное ремесло, на другое, не менее почетное, но куда менее трудоемкое. А вскоре после своего выздоровления, представился Заяцу случай уличезреть и вовсе странные дела, вершимые знахарем-мельником. Ну, слухи-то разные доходили, дескать, якшается Чурич с водяным, что мельничное колесо ему крутит, в заводь к нему спускается под воду, что птичью речь будто бы понимает, да мало ли ещё каких бабы сплетен сказывают. Если про знахарьбу Чуричеву Заяц на своей шкуре испытал, то в этакое поверить просто не мог. Не мог, а пришлось.

На тот раз в Опятичи Докука не поехал: сегодня, говорит, не мой день, ты уж сам, как-нибудь, а я за стойкой побуду. Вот ведь помощничек, бесы его бы покусали! Делать неча, пришлось самому (!) запрягать Многонога, вязать к нему оглобли телеги, тащить мешки для снеди. Многоног посматривал на корчмаря злорадно, обещая «веселенькую» езду, но Заяц пребывал в преотвратительнейшем состоянии духа, посему церемониться с животинкой не стал, а немедля пригрозил ему кнутом, и злорадности в глазах коня резко поубавилось. Тем не менее, дорога далась корчмарю нелегко, ибо телега словно нарочно наезжала на все кочки подряд. На подъезде к Опятичам Заяц увидал знахаря, переходившего дорогу ему поперек. Чурич насобирав в поле каких-то трав в лукошко, и теперь неспешно возвращался к себе на мельницу. Заяц подстегнул Многонога, решив догнать знахаря и предложить подвезти. До мельницы топтать было ещё довольно далеко, и Чурич должен был безусловно согласиться. Однако, когда корчмарь приблизился на достаточное расстояние, чтобы окликнуть его, знахарь, – даже не оглянувшись! – вдруг резко воздел руку и Многоног тот же час встал как вкопанный. Заяц много раз употреблял это выражение, и вот довелось узреть, как это бывает в жизни. Конь упёрся в землю всеми четырьмя ногами, и телега даже протащила коня вперед на пару сажений, пропахав его копытами глубокие борозды. Судя по напряженной спине Чурича, было ясно, что он тоже пребывает в прескверном настроении (ну что ж за день сегодня такой!?), и разговаривать сейчас совершенно не намерен. Многоног отказывался трогаться дальше, пока чуть сутулая спина знахаря не скрылась в переулочке. Никогда прежде Заяцу не доводилось видеть такого! Уважение к Чуричу увеличилось многократно, пусть и приправленное толикой страха.

Через три часа телега показалась обратно. Докука вез опятического знахаря. Чурич был ростом повыше Зайца, изрядно худ, носил длинную узкую бороду, битую сединой, и был при изрядной плеши, притаившейся за оттопыренными ушами. Вместо обычной одежды, что принято носить промеж людей, знахарь предпочитал облачаться вне зависимости от времени года в один и одно и то же чёрное рубище, которое постоянно было перепачкан мукой всюду, где только можно. Заяц приготовил к его появлению самую лучшую из своих улыбок, и выскочил во двор с распахнутыми объятями, дабы показать, как он рад такому гостю. Однако Чурич лишь сурово зыркнул в его сторону и поспешил внутрь, сосредоточенно размахивая узелком, который держал в руках. Перед самой входной дверью он остановился на миг, и обронил:

– Большой где?

– Так во второй камере... – растерянно протянул корчмарь. Когда знахарь скрылся из виду, он кинулся на Докуку:

– Чего это с ним, а? Поругались вы что ли?

Докука оставил в покое мешок, который уже начал было стаскивать с телеги. Пожав плечами, принялся рассказывать:

– Сам не знаю, чего он смурной такой. Я к нему сразу заезжать не стал, решил на обратном пути его захватить. Чего, думаю, задерживаться, потом все обскажу, ну, может, подожду самую малость, пока соберет он свои пожитки, там, снадобья. Стеньку у дома ссадил, купил на ярманке чего надоть. Подъезжаю, значит, а Чурич меня уже встречает, вот как раз с узелком наготове. Откуда и узнал?! Я и рта раскрыть не успел, а он в телегу влез и говорит: Поехали. По дороге я уж и так его выпрашивал, и этак, а он молчит, как рыба. Ни гу-гу! Я ему давай излагать, что ты ему передать просил, а он все одно молчок. Ни словечка не обронил до самой корчмы. Представляешь?..

С последними словами, Докука взвалил себе на плечи мешок поздоровше, показывая, что рассказ окончен, и потопал в сторону клетей. Заяц объяснение ничегошеньки не объяснило, и он остался топтаться во дворе, наблюдая за разгрузкой телеги. Подняться наверх и глянуть на правах хозяина заведения, как Чурич будет знахарить старика, корчмарю не доставало смелости. Ладно, мы и туточки переждем! – утешал себя Заяц, морщась, когда Докука со зверским эханьем тягал очередной груз.

Ждать пришлось совсем недолго. Чурич сбежал по лесенке, хмуря редкие брови и пожевывая губу. Пока он шёл от лестницы к стойке, Заяц с изумлением узрел на лице сельского чародея недоумение и – Боги Небесные, сохраните и оградите! – растерянность.

– Чародейство мне не в новинку, а такого со мной ещё ни разу не приключалось, – сбивчиво и непонятно начал Чурич. – Домой вчера прихожу, а там на столе узелок лежит и записка берестяная при нем. Думал, может подбросил кто? Кто в дом к колдуну-то сунется, пока хозяин в отлучке? – Чурич ухмыльнулся, и корчмарь согласно покивал. Надо думать, мельник-чародей не упускал случая поугатать односельчан жутенькими чудесами, дабы жить покойно и не опасаться, что ребятня репу с огорода сворует, или гулящие парни поленницу развалят, или пьяный бездельник уволочёт выстиранные портки... – Читаю, значит, записку ту: *«Милостивый сударь, в сем узелке лежат снадобья, которые скоро понадобятся моему другу – одноногому старику, что остановился в корчме на перекрестке. Там на вывеске смешные заячьи ушки изображены. Пожалуйста, когда завтра за вами заедут, чтобы его вылечить, просто отвезите этот узелок к нему и объясните, чего и по сколько нужно принять»*. Ну, дальше как раз и расписано, чего и поскольку. Я в узелок глянул, точно – всё то же и лежит, что указано. Причем снадобья-то какие редкие, ты бы знал! Ну и в конце: *«Заранее вам признательна. Л.»*. Представляешь себе, какая-то Л. запросто может прислать мне узелок незнамо откуда, а я и сделать против ничего не могу! *«Милостивый сударь»*, надо же!

Заяц незаметно усмехнулся: не «какая-то Л.», а некто Любава, знакомая нашего старика, и, судя по описанным событиям, весьма сильная ведьма.

Чурич же, тряся своей забавной бородой (даже, скорее, бороденкой – подумал корчмарь, оглаживая свою изрядную бороду лопатой), продолжал дальше:

– У себя дома чувствую себя, словно подглядывает за тобой кто-то невидимый. Присматривает, едрёнть! Задумай я, небось, из узелка того чего себе взять, так ведь эта Л. меня вмиг бы наказала. С полудня, как дурак какой, на крыльчке стою, Докуку твоего дожидаясь, чтобы скорее в корчму со «смешными заячьими ушками» отвезти узел со снадобьями вашему старику и от всей этой напасти избавиться. Ну и чего, спрашивается, она своему старику разлужбозному лично в руки узелок этот не подкинула, раз силу такую имеет? Чего через меня-то?

Заяц сочувственно покивал, даже не пытаясь представить себя в такой ситуации. А вообще, занятно ведь: узелки какие-то на столе появляются, записки там, от таинственной Любавы. Приключись бы с ним такое дело, шиш бы он испугался незнамо чего, и понес отдавать узелок. Тем более, Чурич говорит, что снадобья в узелке знатные, а стало быть, дорогие... Нда! А старик-то наш, выходит, совсем не прост. Народ какой-то за ним пасётся. Ведьма посылки ему шлёт.

– Я деда посмотрел малость, пока он в беспамятстве. Хворь какая-то, что сразу и не разобрать. С моими зельями её месяц отваживать пришлось бы, а с присланными снадобьями дня может через два полегает. Там здоровяк какой-то, с вот такущими усами за дедом присматривал, я ему два раза объяснил чего деду давать и по сколько. Ни черта не запомнил, дубоголовый! Пришлось ему памятку набросать, благо что грамотный оказался, хотя это и удивительно. Да, и ещё! Приписка там была на обратной стороне: «А корчмарю передай, чтобы книгу непременно возвратил». Так, что ты, Заяц, с такими вещами не шути. Отдай, чего просят. Шкура, она всё ж таки дороже...

Корчмарь хотел было возмутиться гнусным наветом, даже вскинул изумленно-обиженные брови, возглас, «какая ещё книга?!» повис на языке, но Чурич уже шагнул прочь со двора, возмущенно качая головой и на ходу пытаясь отряхнуть со своего чёрного долгополого рубища мучные пятна. Ушел, и даже отвезти назад не попросил! Удивительно!

Вновь предоставленный самому себе, Заяц заметался по двору. Эвон как с книгой-то выходит! Не успел прибрать, а уже назад воротить требуют. И что теперь делать прикажете? Отдавать, или нет? Отдавать жалко, а не отдать – страшновато получается. Эта ведьма возьмёт, да и сделает ему чего-нибудь нехорошего. Порча, сухота и дурной глаз... Ведьмам это, говорят, раз плюнуть, чтобы хорошему человеку жизнь покалечить. Лучше книгу пока оставить при себе, но как бы не на совсем, а как бы на время. А там посмотрим...

Оборотившись по сторонам, Заяц совершил поясной поклон, что со стороны должно было показаться странным (хорошо, что Докука не видит!), ибо во дворе никого не наблюдалось. Прокашлявшись, Заяц, непроизвольно повышая голос, обратился не знамо к кому:

– Э-э... Я насчет книги! Вы меня, должно быть, слышите сейчас, или видите, а я вот чего сказать хочу. Старик ваш болен, и народ вокруг него непонятный ошивается, а дверь не заперта. Тут, знаете, мало ли что. Всякое ж бывает, попутает кого бес, и... Вот я книгу и прибрал покамест, чтобы не пропала. Пусть у меня полежит. Под замком, оно ведь надежнее. Так что, худого не подумайте, не так всё совсем...

Ещё раз поклонившись, и испытывая стыд из-за нелепости происходящего, он поспешил внутрь корчмы. Веселая шаечка из первой каморы сидела на своем излюбленном месте в углу. Только теперь их было не четыре, а пятеро. К разбойникам присоседился щуплый мужичок, давешний белоглазый, который при свете дня уже не казался таким страшным. Как он к ним втёрся в доверие, корчмарь не мог взять в толк. Разбойники были парнями весёлыми, разухабистыми, мышцатыми (но, совершенно никакие, если сравнивать их с рыжими здоровяками из Зибуней). Белоглазый был полная их противоположность: невысокого росточка, щуп-

лый, мрачноватый. Да ещё и с белесыми гляделками, как неоднократно уже было замечено. Однако же, вишь ты, сидит с ними, пиво попивает, разговоры разговаривает. Дивное дело: курильщик ему даже из своей самокрутки дает затянуться! Спелись, етить их...

Словно в подтверждение его мыслей, собутыльники затянули в пять глоток, что-то жалостливое и протяжное, про свою несчастливую разбойничью долю. Содержание песни сводилось примерно к следующему: невеста, связавшись с гнидой-воеводой, предала своего невинно осуждённого жениха, что всего-то шалил на дорогах, подрезая тугие кошель у проезжего народа; жених обещал, вернувшись, погубить обоих, и в этом его поддерживали остальные сидельцы, причём этот самый жених вполне осознаёт, чем все это для него закончится, и поэтому говорит товарищам, чтобы они скоро ждали его назад, а плаху заранее именует родимой матушкой. Заканчивалась песня надрывным воплем:

*А ты мама моя, не дождѣшься меня,
Не дождѣшься хорошего сына-а-а!
Но товарищ придѣт из острога к тебе,
Скажет: «Был настоящий мужчина-а-а!»*

Не в силах более выносить этого козлодрания, Заяц спешно улепетнул в дверь за стойкой, напомнив себе не забыть, чуть попозже подсчитать, на сколько выпили эти, с позволения сказать, певцы.

ГЛАВА 3

Следующие дни старик медленно шел на поправку. Один из здоровяков постоянно находился в его камере, словно цепной пес. Как-то раз Зайцу, незаметно поднявшемуся по лестнице, довелось увидеть нечто странное. В полусумерках, по пролету второго поверха тихонько крался белоглазый. Убедившись, что за ним никто не наблюдает (корчмарь стоял на лестнице так, что глаза его приходились на уровне пола поверха, а макушка была прикрыта перилами), он тенью проскользнул в камору деда. Заяц внутренне сжался от нехороших предчувствий. Однако буквально миг спустя белоглазый выскочил оттуда как ошпаренный, и сразу следом за ним вышагнул наружу рыжий Белята. Корчмарь перевел дух: как он мог забыть про охрану?!

– Чего тут забыл? – рыкнул Белята, страшно пошевелив челюстью.

– Ошибочка вышла! – сдавленно просипел белоглазый. – К себе попасть хотел, да перепутал камору. В этой пивнушке так по-глупому всё расположено...

Заяц обиженно запыхтел. Да как можно его любимую корчму пивнушкой называть?! Вот ведь гнусность болотная! Ух! Однако выдавать своё присутствие было нельзя, и корчмарь воздержался от восклицаний.

– Смотри мне... – неопределенно пригрозил рыжий, и скрылся за дверью.

Белоглазый спешно укрылся в своей камере, причем Заяц был готов хоть на сколько угодно побиться об заклад, что шуплый мужичонка вовсе не случайно заглянул к деду. Когда он проходил через полосу света, пролегшую от окна, в рукаве у мужичка отчетливо что-то блеснуло. Что-что, а со зрением у корчмаря был полный порядок и причудливую ручку оружия (ножа, должно быть) он хорошо рассмотрел. Кое-что стало проясняться: рыжие охраняют старика, а укокошить его хочет белоглазый. Да уж! И как в таком положении ему быть?..

В то же время, удивил и порадовал своим появлением Чурич, нагрывший с утра пораньше. Когда только что освежившийся после сна Заяц прошествовал на рабочее место, знахарь уже возвышался сухой камышиной за ближним к стойке столом. Вместо приветствий, он тут же объяснил причину своего появления:

– Не могу я так, чтоб передал больного на поруки какому-то дуболому, а сам в сторону. Да он же перепутает там чего, а я потом век душевные муки терпи. Дудки! Уж лучше сам присмотрю.

Воинственно тряхнув своей редкой бородашкой, Чурич отпил большой глоток пива, из поставленного перед ним кувшина. Заяц был склонен по другому толковать причину прихода знахаря: наверняка тот боялся, что, если дед не выздоровеет, а совсем даже наоборот, неведомая и могущественная Л. спустит с него шкуру. А после набьёт её сухим мышинным помётом, посадит туда его пленённую душу да отправит шататься по дорогам, пугая честной народ, пока окончательно не истлеет...

Впрочем, как бы то ни было, его появлению корчмарь был только рад, появилась хоть одна живая душа, с которой можно было словом перемолвиться, думами поделиться. С Докукой не поговоришь, – всё время кажется, что он засыпает под твой рассказ, да и некогда ему слушать, дел много. С дурочкой Стенькой, конечно, перемолвиться можно, всё понимает, но вот ответить-то толком не может! Иное дело – Чурич: он в округе слыл мудрецом.

Раз в час Чурич убежал проведать старика, дать ему лекарство, пощупать лоб. В общем, делал то, что должен делать знахарь в таких случаях. Рыжая охрана пропускала его беспрепятственно. Возвращаясь, он передавал одно и то же: старик то забывается тяжким сном, то что-то бормочет несусветное, обещания дает какие-то. Бредит, в общем. Стеньку подрядили выносить за хворым дедом нужное ведро, а знахарь переговорил с Докукой, и тот стал готовить для старика отдельно: что-то жидкое, неприглядное на вид, но, несомненно, полезное.

Возвращаясь назад, Чурич продолжал прерванную беседу, хотя говорил в основном корчмарь, а знахарь лишь внимательно слушал, лишь изредка вставляя слово, по большей части работая ложкой. Несмотря на своё тщедушное телосложение, знахарь ел и пил, как смогли бы двое таких же. Заяц кормил гостя бесплатно, ничуть о том не жалея; знахари, они, знаете ли, на дороге не валяются!

Сам корчмарь ни словом не обмолвился о книге, хотя ни на миг о ней не забывал, а Чурич о том не спрашивал, что Зайца вполне устраивало. Зато он в подробностях изложил знахарю свои соображения по поводу происходящего, а также накопившиеся опасения, умолчав разве что о некоей Любаве, предположительно той самой ведьме, что сумела переслать узелок с лекарствами.

Ни к чему лишний раз напоминать ведуну о той, которая напугала его до дрожи поджилок.

Разговор то и дело прерывался и со стороны Зайца, ибо в корчме днем постоянно толкался разный дорожный люд, кто-то приезжал, кто-то уезжал. Одни заглядывали выпить по случаю жары кувшинчик-другой холодного пива, другие – с намерением поесть доброй горячей еды, пресытившись дорожной сухомяткой, третьи – всего лишь почесать языком, обменяться новостями, посмотреть, нет ли кого из знакомых, четвертые – с твердым намерением соснуть часок-другой не где-нибудь на обочине, а в прохладце приличного заведения. Посему, корчмарю приходилось суетиться, чтобы никого не оставить без внимания. А ещё он урывал время, чтобы сбегать, проверить – как там книга? Сдвинув потайную половицу под своей постелью, корчмарь выуживал добычу и нежно гладил обложку. Кончалось все тем, что Заяц, слава Велесу, обладавший завидной памятью, раскрывал книгу, где попало, и заучивал оттуда какое-нибудь пророчество. Ну, не нарочно заучивал, а просто читал пророчество вслух, наслаждаясь звучанием, а уж запоминалось оно само по себе. Особо его зацепило одно предвещание, хотя и называвшееся «Велес», но вместо этого грозно рокотавшее об огне. Не просто об огне, а об Огне с большой буквы. Книга в тот раз словно сама раскрылась под его руками, а взгляд сразу выловил среди вязи букв и именно эти строки:

*Сам Сварог открыл мне секреты Огня,
Что сокрыт в глубине под корою дерев.
Огонь этот Сердце зажег у меня
В груди; я услышал воинственных Дев,
Победные крики в раскатах грозы...*

Что это было? К чему? От чего так сильно запало в душу это полное смутных образов пророчество? Ни о чем об этом Заяц не имел ни малейшего понятия. Просто строки въелись ему в душу, словно мучная пыль в рубаху мельника. И всё тут.

Они сидели с Чуричем за холодным пивом под раками. Хорошо, надо сказать, сидели. Основательно! Душевный человек этот Чурич, поговорить с таким, особенно когда на душе одни лишь нехорошие предчувствия, просто милое дело. Они даже негромко пели любимые в Опятичах непристойные частушки про властьпридержащих: князей, бояр, воевод и деревенских старост.

*Я зерно стране давал,
Завсегда сам голодал,
А в хоромах князь сидит —
Обожрался и п...ит!*

*Староста да воевода
Оба ходят молодцом:
Двух свиней чужих пропили,
Закусили холодоцом!*

*Наши князи да бояры
Всё селянина е...т,
А селяне в полной злобе
До упаду пиво пьют!*

*Воевода мыслью нову
Сказал после ужина:
– Со свиньей скрестить корову
Будет сисек дюжина!*

Докука, направлявшийся прибрать пустые кружки из-за соседнего столика, услышал, о чем поют, и немедля вставил своё слово:

*А наш миленький князёк,
Замечательный мужик,
Как напьётся вдосталь пива —
Сам обгадившись лежит!*

*Сам обгадившись лежит
И воняет здорово!
Чем подобную скотину —
Лучше нюхать борова!*

Спел он, правда, с самым сонным видом, но зато от души, приложивши до кучи ещё пару непристойностей.

Опятический люд власти недолюбливал. Так ведь было за что! Опятичи принадлежали граду Тюрякину, а тюрякинский князь Тужеяр действительно был толстым пьянчугой, невеликого росточка; воевода со старостой, правда не из Опятичей, а из соседского села Черные Забурятичи, на самом деле уворовали темной ночью хряка, продали его по дешевке, а гривны немедля пропили; а бояре, в отличие от Зибуней, водившиеся тут в избытке, были наглы и назойливы, как ополоумевшие слепни.

Ну а на закуску, непонятно с чего, Заяц со знахарем отчебучили:

*Я иду, а мне навстречу
Тополя и тополя.
Почему любовь не лечат
Никакие знахаря?*

– Чурич! Так это ж про тебя! – обрадовано хохотнул корчмарь.

– Про меня, – степенно согласился тот.

– Ну и чего ж вы, знахаря, не лечите её, эту любовь?

Чурич странно посмотрел на Зайца, словно сомневаясь, что это из его уст вылетел такой неприличный вопрос. Посмотрел, посмотрел, но все же спросил:

– А ты сам-то, что ж, не влюблялся никогда? Не любил разве?

Заяц так и застыл с улыбкой на устах. Вот только теперь улыбка была совсем ненастоящей, а словно приклеенной, чужой на его лице. Любил ли он? О, да... Но, нет, нет, он не будет вспоминать о ней! Не будет вспоминать её веселые рыжие кудряшки, острый, морщившийся от смеха, носик, пухлые губы сердечком, василькового цвета глаза с зеленой искоркой. Не будет, не будет, не будет! Это так... тяжело. И пусть тому, кто её увел, не иметь покоя ни в этой жизни, ни после смерти! А ей... её простил уж давно. Да-а, не лечат знахаря любовь, не лечат. Потому-то он, сорокалетний муж, состоятельный и вовсе и не страшный на вид, так до сих пор и не оженился. Хотя было на ком...

За разговорами времечко бежало скоро. А тут ещё выяснилось, что знахарь вдобавок ко всему, ещё и неплохой рассказчик. Он поведал Заяцу немало презанятных историй, из которых самой смешной показалась небылица про двух волхвов (имен их корчмарь не запомнил), которые умудрились продать простофилям целую кучу помета птицебыка (были такие в древности: кто говорит, коровы с крыльями, а кто – птицы с копытами), под видом целебного зелья, а потом, когда уже было поздно, один из них вспомнил, что это ж и впрямь ценное вещество, которое ни за какие гривны не купишь! До слез насмеявшись над незадачливыми волхвами, причем смеялись и за соседними столами, Заяц сделал себе пометку в уме, заказать у какого-нибудь умельца лубок с изображением этой истории.

Рассказав Чуричу об случае в каморе деда, откуда был вышиблен белоглазый, корчмарь стал допытываться: как он думает, не стоит ли сказать тем двум здоровякам о ноже, виденном в руках постояльца из четвертой каморы? Знахарь хмыкнул неопределенно, а потом незаметно кивнул головой в сторону угла, где сейчас веселились разбойники вместе с тем, о котором они сейчас разговаривали. В ответ на недоуменный взгляд корчмаря, пояснил:

– По-моему, сообщать уже поздно. Теперь-то он не один...

И впрямь, судя по оживленным лицам, с которыми разбойники внимали рассказам белоглазого, тот не только влился в их круг, но и определенно стал там помалу верховодить, хотя как ему это удастся, с его мертвым взглядом-то?!

– Стоит твоим рыжим тряхнуть его как следует, эти морды немедленно вмешаются!

И Заяц согласился, что лучше не торопить события.

...Минула седмица с того дня, как в корчму нагрянули, один за другим, постояльцы из Зибуней. Жизнь текла своим чередом, и Заяц начал крамольно подумывать, что не так уж страшны калеки, рыжие и белоглазые, как думалось матушке... Ближе к вечеру седьмого дня, пожаловали новые гости. Сначала тихонько приоткрылась дверь, потом в нее просунулась маленькая, словно приплюснутая голова, скоренько осмотрелась, и лишь после того, в корчму прошмыгнул никто иной, как купец Божесвят. Ну, купец, это, конечно, громко и не по сути сказано, скорее уж собиратель и перепродавец редкостей, и в придачу скупщик краденного. Хоть Заяц и не видел, на чем он прибыл, но тут и гадать не приходилось: наверняка на своем любимом крытом возке, запряженном одним конем.

Роста Божесвят был невеликого, подросток подростком, внешности же самой что ни на есть непримечательной. Одевался зато в платье из дорогущей, чуть ли не заморской ткани, но и платье было какого-то скромного пошиву, неказистое, блеклое, висело на нем словно мешковина. На такого глянешь, так ни в жизнь не догадаешься, что перед тобой стоит самый настоящий богатей, а отвернувшись, сразу же позабудешь о встрече. В общем, не человек, а серый мыш.

А следом за ним зашёл ещё один мыш. Это он заглядывал в корчму поперед Божесвята. Ну, прямо брат-близнец! – в который раз подивился Заяц их сходству. Это был божесвятов телохранитель, по имени, а может и по кличке, Кривой. Правый уголок рта у него странно изгибался вниз, и никогда не шевелился, даже если Кривому случалось смеяться. Одет он был

хоть и не так как хозяин, куда как победнее, но так же безвкусно и неприметно. Если не приглядываться, то сходство меж этими двумя даже на лицо было почти полное.

Несведущие люди думают, будто купецкий телохранитель – непременно здоровенный детинушка гора горой. Кривой выглядел вовсе непредставительно, но как боец стоил дороже иного верзилы с пудовыми кулаками. Заяц как-то раз видал, как Кривой, дабы потешить хозяйина, с закрытыми глазами кидал в размеченную углем прямо на стене цель, железные шипастые шары от кистеней, парочку которых всегда таскал при себе. Внезапно вспомнив, с каким отвратительным чавканьем они впивались в бревна, Заяц передернул плечами. Несмотря на завязанные глаза, Кривой не промахнулся ни разу.

Когда-то Кривого собирались казнить за безжалостные убийства, совершенные им в Рыжгороде. Божесвят, будучи там в то время проездом, выкупил его за фунт серебра прямо с плахи, приобретя навеки верного пса. За Божесвятом то и дело охотились любители лёгкого богатства. Как-то раз на него напали на глухом тракте, намереваясь забрать и серебро, и жизнь впридачу. Вот тут-то бывший «Рыжгородский мясник», как прозвали Кривого, и показал себя. Купец потом живописал, что стало с нападавшими – корчмарь до сих пор помнил жутковатые подробности, и даже однажды видел их в страшном сне. Брр!

Божесвят посеменил к столу, где сидел Заяц со знахарем, высокомерно не глядя по сторонам. Кривой чуть задержался подле малого чура Велеса, что осенял корчму, шепнув короткую молитовку, и сразу же посеменил за хозяином следом, словно привязанный на веревочке. Пока они шли, в своем углу приподнялся курильщик, приоткрыл оконце и, высунув туда голову, стал дымить наружу. Корчмарь, заметив это, даже поразился: все меньше копоти в помещении будет, давно бы так! Потом кивнул собеседнику:

– Чурич, мне с человеком перемолвиться надо. Отлучусь ненадолго. – И крикнул, оборотясь назад: – Докука! Стойка на тебе! И пива поставь вон туда для дорогого гостя.

Знахарь встал из-за стола:

– Дак, пока вы тут разговариваете, пойду, пожалуй, по лесочку прогуляюсь. Косточки разомну маленько.

И вышел. Поручкавшись с обоими серыми мышами, корчмарь махнул рукой, приглашая их уединиться за дальним столом. Божесвят, предварительно смахнув со скамьи несуществующие крошки, осторожно присел половиной зада, Заяц с шумом плюхнулся напротив, Кривой же остался стоять позади спины хозяина, цепко присматривая за присутствующими. Если Заяц не ошибся, то особое внимание телохранителя привлекли четверо разбойников вместе с белоглазым. Корчмарь, чего греха таить, завсегда побаивался этого молчаливого убийца, но сейчас был рад ему как родному. Когда такой «умелец» рядом, то уж действительно никакой чёрт не страшен!

Тут подоспел Докука, выставив на стол запотевший кувшин самого лучшего пива (лучшего, потому как корчмарь использовал волшебное слово «дорогой гость»), миску со спинками воблы. Сноровисто протер кувшин от капель, расставил три вместительных кружки и незаметно удалился. Заяц вопросительно глянул на Божесвята и его охрану. Купец сострил жалостливую гримасу и сослался на хворую печень, Кривой только отрицательно покачал головой: на работе не потребляю. Заяц виновато развел руками и налил себе одному. Отхлебнув изрядный глоток, он довольно потер пухлые ладони:

– На ловца и зверь бежит! – И вкрадчиво продолжил, снизив голос: – Есть у меня нынче на продажу одна вещица редкая...

– Знаю! – буркнул, а точнее сказать, пискнул, Божесвят.

Заяц мигом потерял все своё благодущие. Очень уж не понравился ему уверенный тон дельца. А ведь не шутит, пройдоха!

– Откуда же знаешь? – выдохнул он, щурия глаз, чтобы казаться хитрее, чем есть.

– Сон вещий видел, – бесстрастно ответил Божесвят, спокойно выдержав взгляд корчмаря.

Заяц откинулся назад, сурово засопев носом. И ведь не поймешь по такому – врет или нет? Сон, значит? Вещий. Ну-ну... Но ведь, с другой стороны, вот он, пронира, сидит перед ним. Приехал, как будто и впрямь знал, что у него товар объявился.

Размышления Зайца прервал пинок в дверь, едва не высадивший её из косяка. В корчму вошел, а точнее, важно вплыл, словно большой корабль, ещё один торговец редкостями, древностями и краденым, извечный соперник Божесвята, весельчак и хохотун Семигор.

Сначала в дверном проеме, чуть не ставшим дверным проломом, показался нос корабля, в данном случае необъятное пузо Семигора, а потом уж и остальная часть посуды. С радостным громоподобным хохотом делец, дородный сверху и до низу, явил свой сияющий лик всему честному собранию. Здоровый, на голову выше отнюдь не маленького ростом Зайца, с гордо топорщащейся чёрной бородой самого злодейского виду, коротко стриженный под ежа. Одежды слишком крикливо, он смотрелся крайне странно в довольно скромной корчме. Золотые побрякушки висели везде, где только можно: три золотые серьги в ухе, золотые перстни с камнями едва ли не на всех пальцах, золотые зарукавья, что придерживают рукава щегольски вышитой золотом рубахи, широкий пояс с золотыми бляшками, причем широкий не для того, чтобы лучше обуздывать пузо, а для того, чтобы бляшек влезло побольше. На шее аж три цепочки, золотые, понятное дело, ворот скреплен золотой застежкой, подвеска с золотыми оберегами звякает на каждом шагу.

При всём своем богатстве, Семигор превосходно обходился без телохранителя, полагаясь на свою недюжинную силушку да на верную булаву, что торчала всем напоказ за поясом, сияя золотым оголовьем.

При его появлении, гомон в углу, где попивали разбойники, как-то неожиданно поутих, что Зайцу показалось подозрительным. Но особенно корчмарю не понравилось то хозяйское выражение, которым они окинули Семигора. Хотя, что это я? – тут же поправил себя Заяц, – Это ж разбойники. Они так, небось, на всякого богатея по привычке посматривают. Но, с другой стороны, с чего они точно также глянули и на Божесвята, который на богача вообще не похож?

По медвежьей протопаив через всю корчму, отчего половицы прогибались и тихонько постанывали, Семигор плюхнулся на скамью ещё почище, чем до него это сделал Заяц. Дерево всхлипнуло, но выдержало. Семигор дружески пихнул корчмаря в плечо, попав как раз туда, где желтел синяк, поставленный не столь давно рыжими здоровяками, отчего пришло время всхлипывать уже Зайцу. Этим все приветствия и ограничились. А Божесвяту даже не кивнул, – заметил корчмарь. – Впрочем, понятно, как никак, соперники.

Дельцы хоть и враждовали меж собой, но сугубо по-деловому. До рукоприкладства у них никогда не доходило. Недаром тот же Кривой, призванный охранять покой своего хозяина, при появлении Семигора даже глазом не повел.

Семигор отхлебнул пива прямо из горлышка кувшина, утерся рукавом и хохотнул:

– Глядя на ваши унылые рожи, ясно, что сделка ещё не состоялась. А значит, я не опоздал! Ну, давай, рассказывай, что там у тебя нынче за удивительный такой товар, из-за которого мы мчались к тебе сломя головы.

«Ещё и этот!» – поразился Заяц. Но виду не подал. Деловой человек умеет, когда надо, изобразить радушие, будто родного брата, с которым семь лет в разлуке был, повстречал, а когда надо, будет хранить вежливую невозмутимость.

– Откуда узнал-то? – не выдержал Божесвят. Явление соперника ничего доброго ему не сулило. В лучшем случае придётся переплатить за товар вдвое-втрое, когда начнут тягаться, кто предложит наибольшую цену...

– Откуда? – переспросил Семигор, – О! Откуда...

Выставив вперед и вверх могучую лапу с короткими пальцами, он раскатисто изрек:

*– Ворожила мать-старуха
На распутье трех дорог,
Вопрошала злого духа:
Что сулил дочурке Бог?..*

Делец просто обожал разговаривать загадками и полунамеками, редко выражаясь напрямки. Собеседник должен был помучаться, пытаясь уловить смысл сказанного. Заяц, привыкший к выходкам Семигора, сообразил, что о товаре тот узнал при помощи гадалки. А вот Божесвят, похоже, продолжал пребывать в легком недоумении. Устав тужить мозги над виршами, он изобразил на своем некрасивом лице кислое выражение, и лениво этак спросил:

– Ну и что там с товаром?

«Так я вам сразу и сказал! – мстительно подумал корчмарь. – Раз вы сами за товаром примчались, даже не зная, что он собой представляет, да при этом сразу оба, то теперь поторгуемся, потянем кота за мошну».

– Знакомо ли вам имя волхва Велеслава? – начал он издалека.

– Знакомо, знакомо! Дальше что? – заторопил его Божесвят.

*– По первой букве я узнаю,
Как друга милого зовут,
Ретиво сердце заиграет
И заколотится о грудь! —*

Семигор ответил словами известного кудыкинского виршеплета Цветана, прославившегося собранием любовных виршей, озаглавленных «Ты целуй меня везде, я ведь взрослая уже». Слащавые бредни Цветана, дешевого пачкуна, Заяц просто ненавидел, и увешанный золотом острослов был, похоже, об этом прекрасно осведомлен. Порадовав присутствующих изгибом цветановой мысли, Семигор вернулся к человеческой речи:

– Имелся некогда в старые годы такой не шибко известный волхв. В Зибунях, вроде бы, обитал. И что с ним?

«Вот что значит – столичное образование! – с завистью вздохнул Заяц. – Я о таком волхве прежде и слыхом не слыхивал. А они знают, хоть он и мало известный».

– Надеюсь, ты не приготовил для нас бубен этого волхва. Их и так уже на руках у народа имеется целых сорок три штуки, и никто не знает, где подлинный! – скучным голосом присовокупил Божесвят.

Заяц не моргнув и глазом, продолжил изводить их:

– А не оставил ли он после себя каких-нибудь сочинений, книг там?

*– Твоим лишь образом дышу,
Тебе одной письмо пишу!*

– вновь выдал Семигор сочинение Цветана, будь он трижды неладен.

– Это ваш, с позволения сказать, волхв, только и делал, что постоянно и всюду что-то писал, словно у него зудело в одном месте, – буркнул Божесвят. – Ты, вообще, чего ходишь вокруг да около, загадками говоришь? У Семигора дурацких привычек нахватался, да?!

Зайцу его ворчливость показалась сильно уж наигранной. Вон и искорка в глазах сверкнула. Скрывает любопытство, чертяка! Небось, у самого в одном месте как раз и свербит, да только виду не кажет. Ладно уж, пожалуй, можно переходить к главному:

– И сколько, скажем, сейчас может стоить его книга?

Вопрос вызвал смехи у обоих воротил.

– Этого Велеслава до сих пор переписывают и переиздают. Так что *сейчас* цена – такая же, как и на любые другие книги. Хотя, если у тебя оказался достаточно древний список какой-нибудь из его книг, то... – известил Семигор, забыв украсить речь очередной «премудростью» из сочинений Цветана.

– Я говорю про книгу, написанную самим волхвом. – Подпустив таинственности в голос, молвил корчмарь и, выдержав паузу, добавил, – Собственноручно.

Ему ответили два голоса одновременно, рыкающий хрип и тонкий возмущенный писк:

– Таких книг не существует! Не сохранилось!

– Чем докажешь, что собственноручно?

Оба дельца возбужденно дышали, словно пробежали пару кругов вокруг корчмы, глаза алчно горят, как у охотников, напавших на след долгожданной добычи. Огонек этот грел Заяцу душу, ибо сулил прибыль. Поверили, черти! Ещё как поверили! – усмехнулся он. А почему бы им не поверить, разве ж Заяц хоть раз подсунил им негодящий товар? Корчмарь подбоченился, и начал перечислять:

– Во-первых, по закону вероятности больших чисел, – он подпустил учёного тумана, – хоть одна книга да должна была бы сохраниться. Так почему бы ей не оказаться нынче у меня? Ведь если вы о ней до сего дня не слышали, это не означает, что её не существует. А во-вторых, думаю, способы проверить, Велеслава ли это почерк, наверняка существуют. Семигор может поручит это, например, своей гадалке. В третьих, как знать, возможно мне следует отнестись к вашим подозрениям с обидой, и попросту снять вещь с торгов...

Купцы замотали головами: ни в коем разе! Дав дельцам осознать сказанное, Заяц сдал, наконец, главное:

– Называется книга «Зазибуньские тайнословия».

Оба купца согласно покивали головами:

– А, эти его безумные пророчества!

Ага! – порадовался корчмарь, вспомнив, как старик вслух читал какой-то отрывок из книги. – Значит, я тогда не ошибся.

– Ну, давай, показывай, – словно с неохотцей протянул Семигор, и даже, чтобы показать, насколько ему безразличен зайцев товар, широко зевнул, живо напомнив Докуку. Хотя нет, до Докуки ему было, все ж таки, далековато. Вот уж кто зеваает, так зеваает! Голову в его пасть можно просунуть во время зевка!

– Во, во, во! Показал бы, а то наговорил тут с три короба, расхвалил товар, а книга-то, может, и яйца выеденного не стоит! – подхватил Божесвят, стараясь унять жадную дрожь в руках.

– А я как раз о цене и хотел поговорить! – кивнул Заяц, да так кивнул, что хвост его волос замотался во все стороны. – Товар-то принести не долго, но, если мне ваши цены не поглянутся, так чего зазря ценную вещь туда-сюда таскать, лишний раз теребить!

– Ну, мы же должны товар осмотреть, Заяц! Кто ж мешка в коте... То бишь, ката в мешке покупает?! От толщины книги многое зависит, от сохранности. Переплет, опять же, обложка, оклад, заставки есть или нет... – перебивая друг друга загомонили Божесвят с Семигором, вскочив на ноги.

Один только Кривой сохранял спокойствие. Хозяйские дела его не то чтобы не занимали, но... у каждого своя работа. У хозяина – чтобы кошница была полна, а у Кривого – чтобы эта кошница висела на хозяйском поясе, а не у какого-то подорожного шалыгана, а хозяйская голова сохранялась бы на плечах в целости...

– Я вам, что, дитё малое? – с напускной обидой прогудел Заяц. – Какая там сохранность, причем тут переплет, когда о *такой* книге говорим?! Ладно, вижу я, что вы нонче не по-дело-

вому настроены. Давайте вдругорядь соберемся и обсудим. Да и я к тому времени, глядишь, и справки наведу у знающих людей, чтобы хоть примерно цену товара знать.

– Двести пятьдесят золотых гривен! – первым выдал Семигор. И тут же добавил: – Могу дать больше. Но попозже...

– Даю триста. Сразу! – перебил Божесвят, бросив мстительный взгляд в сторону соперника.

– Триста пятьдесят! – скрипнув зубами, ответил тот. Золотые серьги в его ухе возмущенно закачались.

– Тогда четыреста! – по-птичьи дернув головой, пискнул низкорослый купец.

– Четыреста тридцать! Четыреста тридцать даю, Заяц!

– Я думал, речь идет о редчайшей книге?! – деланно удивился корчмарь, слушая торги с замиранием сердца.

– Семьсот! – немедля ответил Божесвят, и даже сделал вид, что полез развязывать тесемки на туго набитой мошне.

– — Восемьсот! – смирившись с резким повышением цен, рывкнул взмокший Семигор, гордо выпячивая живот.

Заяц не упустил случая, и начал сравнивать животы, свой и семигоров, после чего выдохнул с явным облегчением. Он-то считал себя толстым, а на деле, ничего особенного, просто мужчина в теле и полном расцвете сил, а толстяк – вот он! Занятый измерением животов на глаз, корчмарь не заметил, как торги перевалили за две с половиной тысячи гривен. Поглядывая на снисходительную улыбку Зайца, которая, на самом деле была вызвана тем, что его живот прошел испытание с честью, дельцы остервенело взвинчивали цену.

– Всё, Заяц, всё! Я больше не могу! – взмолился Семигор, утирая свой серебристый ежик волос, – Вот ей тебе Велес, это хорошая цена! Три тысячи! За больше мне уже и смысла нет её покупать!

– Согласен! – утирая обоими рукавами взмокший лоб, буркнул Божесвят. – В пределах пары сотен, конечно, ещё поторговаться можно, но вряд ли больше.

Потрясенный Заяц слушал их, лишь величайшим усилием воли заставляя свой рот оставаться захлопнутым, хотя челюсть так и норовила отпасть. О *таком* богатстве он и помыслить не мог. Вот так книга, едрёна вошь!

– Я... я должен подумать! – заявил он, причем голос корчмаря предательским образом едва не сорвался на писк. Сердце требовательно рвалось наружу.

– Заяц! За большую цену ты её продать не сможешь. Никому! Даже и не думай! – предупредил его Семигор, решивший, что правильно истолковал колебания корчмаря.

– Ты и впрямь, того, это, не юли! – пискнул Божесвят, напрасно пытаясь придать суровое выражение своему невзрачному личику. Он хмурил реденькие брови и тужился щеками, так что со стороны больше всего напоминал обиженного мышца, у которого какие-то мерзавцы украли весь годовой запас крупы. – Не юли, понимаешь! Мы тут гривнами сорим, как клён листьями по осени, а он кочевряжится!

– Хорошо, хорошо. Не зудите вы. Сейчас книгу принесу! – молвил Заяц, хотя так пока ещё и не решил, кому из двоих покупателей продаст книгу. И вообще, продаст ли. Спору нет, три тысячи гривен, это такие средства, батеньки мои, что за них дом родной продашь с превеликим удовольствием! Столько Зайцу удалось бы скопить лет через пятьдесят, и это в том случае, если бы он совершенно перестал тратить их на еду.

Вот только отдавать книгу отчего-то не хотелось. Хоть Заяц и заглянул в неё лишь краешком глаза, загадочные речения древнего волхва запали ему в душу. Они сулили что-то новое, неведомое, пугающее, но ужасно завлекательное.

А другая половина рассудка уже прикидывала, на что можно потратить вырученные гривны, что следует купить в первую очередь, куда средства вложить с большей выгодой.

Однако его мечтаниям не суждено было сбыться, ибо дальше события замельтешили, словно спицы в колесе, мчащемся с самой крутой горы.

ГЛАВА 4

Дверь в корчму распахнулась от мощного пинка, одна из петель явно грозила сорваться. «Второй раз за день! – рассвирепел Заяц, грозно поднимаясь из-за стола. – Что ж за наглость такая?! Ладно Семигор, голова дубовая, но это-то что за пень с горы?»

В корчму неспешно зашел крепко сложенный человек, в кожаных портах и кожаной же рубахе без рукавов. Высокие голенища сапог украшены клёпками белого металла, на поясе широкий нож, а в руках сама собой поигрывает дубинка, утыканная кривыми гвоздями. В свете закатного солнца, что ещё освещивало в оконца корчмы, на миг показалось, что гвозди окровавлены. Круглая голова его была выбрита наголо, почти до ослепительной белизны. А когда он радостно ощерился, стало видно, что двух передних зубов не хватает, а оставшиеся ловко пережевывают смоляную жвачку. Тонкая полоска усов ходила вверх-вниз в такт челюсти. Узрев этот волчий оскал, смутно показавшийся знакомым, Заяц понял: вот она – беда! Пришла...

Чуть постояв на входе, поигрывая мышцами, бритый осмотрелся и шагнул прямо к разбойникам, что сидели в своем излюбленном углу. Следом за ним вбежало семь, – а нет, вот ещё один, – восемь человек. По большей части все молодые, с сытыми нагловатыми рожками. Здоровые, но несколько меньше своего главаря и одеты более привычно: рубахи навыпуск, холщовые порты и легкая кожаная обувь. Двое выбриты, как и их главарь, но остальные вполне при волосах, а у одного даже столь длинные, что он заплел их в три косы. И все при оружии: дубинами, булавами, ножами и даже мечами. Заяц при виде их совсем похолодел. За двадцать лет случалось, конечно, разное, и все всегда удавалось уладить миром. Но как справиться с такой ватагой? Бедой запахло совсем отчетливо...

Молодчики расположились подле входа, о чем-то негромко, но глумливо переговариваясь меж собой. Бритый поручкался с курильщиком, а остальных поприветствовал небрежным кивком, после чего, обронил короткое и требовательное:

– Ну?

Как оказалось, когда он разговаривал, глаза у него презрительно шурились, словно ему было заранее наплевать и на ответ собеседника, и на него самого. Курильщик пыхнул уголком рта, и ответил, не вынимая самокрутки:

– Вон тот толстяк, вырядившийся щеголем и мелкий такой мужичонка напротив него. Как ты и говорил – набиты гривнами, тряхни – так и зазвенят!

«Налётчики! – понял корчмарь, пополнив в придачу свою копилку странностей, которую собирал последние несколько дней. – Как так получается, что разбойники ожидали появления купцов, если дед с книгой появился в корчме позже их самих, а уж за этой книгой ещё позже и прибыли Божесвят с Семигором?! Или их главарю тоже был вещий сон? И ведь как верно время подгадали – посетителей почти нет, никто не помешает...»

Корчма опустела ещё не до конца, но в это время суток новых посетителей ожидать не приходилось. Помимо Зайца с гостями, и известных уже постояльцев, за двумя столиками сидели ещё трое: немолодой селянин с сыном или батраком – мальчонкой лет восьми, да купчик средних лет, с умным и самолюбивым выражением лица, тут же при появлении мордоротов сменившемся на тревожно-плаксивое. Весь только что буквально лучился от осознания того, как здорово быть богатым, и какие вокруг все смерды, и вот, гляди-ка, вдруг понял, что иногда от богатства бывают и неприятности. В преддверии заварушки, все трое, побросав на столах недоеденное и недопитое, попытались проскочить к выходу, но зашедший последним молодчик, со шрамом над левой бровью и бледный как смерть, так и застыл в дверях, перекрыв путь. Селянин кашлянул, и заговорил с опаской, не отрывая глаз от пола, обращаясь сразу ко всем:

– Я ваших дел не знаю, и ничего не видел. Нам бы с Барашкой дальше поехать, а?

Мальчишка шмыгнул носом как можно жалостливей, а купчик немедля пристроился позади селянина, надеясь проскочить, если тому удастся разжалобить лихой народ. Бритый главарь кивнул:

– Пусть идут.

Селянин споро ухватил мальчика за плечо и бочком-бочком протиснулся среди мордоротов. Барашка затравленно озирался на страшные рожи, нависавшие над ним. А одна из рож вдруг криво оскалилась и сказала: «Бу!», ткнув его пальцем в ребра. Малец испуганно ойкнул и зарылся носом в рубаху своего провожатого. Рожа радостно оскалилась и пояснила остальным:

– Га! Ребята, а у меня дома братишка такой же подрастает!

Купчика, деловито трусившего следом за Барашкой, поприверждали за воротник. Он затрепыхался как рыба на берегу, глаза вылезли из орбит, а рот перекосялся от испуга.

– А ты куда, морда? – грозно спросила чья-то морда.

– Я с ними! – зачем-то соврал купчик, уже понимая, что ложью этой оказал себе медвежью услугу.

– А нет ли у тебя при себе, скажем, кошелька? – спросил кто-то таким тоном, словно всего лишь любопытствовал: не знаете ли, уважаемый, который нынче час?

– А вот он! – почти обрадовано воскликнул купчик, ткнув пальцем в увесистый шитый бисером кошель, что болтался на его поясе. «Обрадовано», потому что если собираются отнять гривны, стало быть, оставят в живых. Ну а «почти» – потому как гривен все же было жалко.

– Вот он, вот он – на спине намотан! – грубо хохотнул тот, что только что пугал Барашку. Кошель вмиг был подрезан одним росчерком ножа, и переброшен Бритому, который ловко поймал его на лету. Тот, оценив вес, довольно хмыкнул:

– Хороший день, хорошее начало!

Шайка с готовностью заржала! Стоявший подле дверей ухарь с шутливой вежливостью открыл дверь перед купчиком, чья-то грубая лапа с силой пригнула его голову пониже, заставив наклониться, а потом последовал могучий пинок, и бедолага выпорхнул из корчмы на свободу вольной птахой. Главарь шайки одобрительно проследил за его полетом, после чего повернулся к тем, к кому, собственно, и пожаловал. Теперь, когда все лишние свидетели были удалены, разговор должен был пойти другой, серьезный разговор. Он кивнул своим: давайте, мол. Молодчики, разминая плечи, неспешно шагнули вперед, четверка разбойников встала из-за стола, явно намереваясь принять участие, а вместе с ними и белоглазый, вот ведь сучий сын, а! Кто-то спросил:

– А чего, щипать-то как будем? Догола только или уж совсем в расход?

Бритый покривился:

– Кончайте с этим делом поскорее. Живых мне не надо...

Курильщик вынул из-за пояса тесак и процедил, пуская дым самокруткой:

– Ну, чего, толстосумы, пора раскошелиться, а то мы вас дожидаться устали уже...

Договорить ему не довелось. Сбоку от Зайца, где стоял Кривой, раздалось подряд два коротких и резких выдоха: «ха!», в воздухе что-то такое мелькнуло, и вот уже у курильщика во рту нет самокрутки, да и самого рта нет, а так, какое-то кровавое месиво с остатками губ и осколками зубов, посреди которого виднеется серый выпуклый бок железного шара. Он застыл, нелепо разведя руки, из которых выпал нож, со стуком впившийся в пол. Столь же глупо выглядел и бритый главарь, лишившись разом всех своих зубов, и получив взамен кусок шипастого железа. Оба они ещё чуть постояли – тело отказывалось верить, что уже всё, жизнь окончена и насовсем – один, судорожно шаря рукой в поисках кисета, где хранилось курильное снадобье, а другой – упирався в пол своей дубинкой, так и не применив её в деле. А потом оба разом опрокинулись навзничь.

Шайка тупо тарашилась, переводя взгляд то на тела, то на тех, кого собирались уже было смять стеной. Наконец, один из них, признаки разума на лице которого были проявлены несколько более чем у всех прочих, объявил и так очевидное:

– Да они Лысака с Псовичем завалили! – а потом, немного подумав, добавил: – Бей гадов!

Только тут разбойники пришли в себя и разразились страшными криками, замахали оружием, затопали ногами. Стены дрогнули от мощного рева их глоток: «Смерть! Смерть!» То, что главные лица выбыли из игры навсегда, похоже, ничего не меняло, а даже, наоборот, к разбою теперь добавлялась ещё и месть. Бойня началась!

Семигор натужно выдохнул – живот, все же, изрядно мешал, – и начал валить стол набок, столешницей к наступающим. Скрипнули, поддаваясь, трехвершковые² гвозди, которыми могучие дубовые ножки были приколочены к полу, дабы разбушевавшиеся посетители не могли бы ничего опрокинуть. Так, надо будет использовать гвозди на четыре вершка – взял Заяц себе на заметку, наблюдая за падением тяжеленного стола. Но ещё до того, как тот окончательно рухнул, Кривой успел похватать с него глиняную утварь – две кружки и крынку – и в три броска без замаха расшвырять её. Посуда промелькнула смазанными тенями. Обе кружки без промаха настигли свои цели – два молодчика попадали с разбитыми в кровь головами. Но вот крынка, видать, пришлась тяжеловата для руки «рыжегородского мясника» – снаряд угодил не в голову, а в грудь белобрысого парня. И хотя он замертво повалился на пол, вряд ли удар надолго вывел его из строя.

Дальше случилось совсем уж невероятное – такого Зайцу видеть ещё не доводилось. Семигор вдруг вздыбил толстое колено и могучим пинком послал упавший стол в воздух, сшибив весь передний ряд неприятеля. И тут же кинулся махать своими пудовыми кулачищами. А я же чего стою? – спохватился корчмарь, глядя на то, как парочка разбойников обходит их с краю. Очень удачно они сейчас располагались, как раз в прицеле скрытого в стене самострела! Эх, жаль, что до стойки не добраться, а то бы достаточно движения одного из рычажков и... Велес, должно быть, услышал сожаления Зайца, ибо на шум, разносившийся по всей корчме, наконец выскочил взьерошенный Докука, что воинственно сжимал в своих лапах здоровенную мутовку. Удача! – порадовался корчмарь, и возопил, словно его кто режет заживо:

– Докука, эй! Слышь, дерни там за стойкой шпенечек! Маленький такой. Да скорее ты, олух! Где? В углу за левой полкой. Ну же!

Помощник не был посвящен в этикие хозяйские тайны, посему не сразу понял, чего от него хотят, однако странный приказ выполнил, дернув за неприметный рычажок. Но только вот не за тот...

Тяжелое пехотное копьё пронзило воздух корчмы, чудом не задев Семигора – который этого даже в пылу боя и не заметил, – и со злобным хрустом впилося в стол, под которым отсиживался Божесвят. Купец испуганно пискнул, когда возле его носа просунулось хищное лезвие: «Свят, свят, свят!» И тут же скоренько переполз под другое укрытие, даже и не подумав встать с четверенок. Перепуганный Заяц, хорошо представлявший возможности своего секретного оружия, истошно заверещал:

– Всё!!!! Ничего больше там не трогай! Иди, давай, оттуда...

Докука кивнул, метнул куда-то вперед мутовку на манер давешнего копья, и кинулся в самую гущу сражения, прихватив по пути скамью наперевес и страшным образом завывая. Заяц, несмотря на творившуюся вокруг кутерьму, улучил миг, чтобы подивиться: А Докука-то, похоже, проснулся! Она как скамьей орудует, словно всю жизнь этокое умение в себе развивал. Последовав примеру помощника, Заяц сгрёб тяжеленную лавку – благо силушка позволяла – и тоже ринулся крушить неприятеля.

---

² Вершок – 4, 445 см.

Плечом к плечу с Семигором, махавшим кулаками, словно заправский молотобоец, сражался Кривой. Он вертелся вьюном, уворачиваясь разом от дубья, ножей, и в придачу от кулаков Семигора, и через раз встречал ножи врагов встречным ударом своего тесака. Лезвия вжикали и коротко сыпали искрами. Корчмарь успел дважды приложить скамьей по неприятелю, да ещё спихнуть одного стервеца, что удумал залезть на стол своими грязными сапожищами, прежде чем орудие переломилось пополам обо чью-то излишне крепкую спину.

На шум из своей каморы выскочил заспанный Белята. Глянув с поверха вниз, он мигом оценил обстановку, и тут же понесся по лестнице вниз, на ходу крикнув через плечо:

– Вербан, давай сюда! Наших бьют!

Зайцу, отпихивающемуся от чьей-то рожи, это польстило: ага, наши, значит! О как! Не успел Белята ещё как следует дать волю рукам, когда Вербан сиганул к ним вниз прямо с поверха, свалив по пути какого-то ухаля, что подбирался к мечущемуся под столами Боже-святу. В отличие от Беляты, молотящего кулаками направо и налево с бесшабашной веселостью, усач бил скупыми короткими ударами с мрачной сосредоточенностью. Это даже и хорошо, что они такие мордovorоты! – радовался корчмарь, глядя на слаженную работу рыжих. – Теперь семеро против одиннадцати. Выдюжим!

– Типун! – крикнул кто-то из молодчиков. – Уходить надо. Не ровён час, покрошат нас тут!

– Хрена! – отозвался тот, что первым дал клич к нападению. – Лысак сказывал, что такой навар, может, только раз в жизни и обломится. Не уйдем, покудова своего не ухватим!

Расчистив пространство возле себя, усач Вербан очутился рядом с Зайцем и, не переставая обмениваться оплеухами сразу с двумя противниками, начал спрашивать в перерывах между ударами:

– Не похоже... На обычную драку по пьяни... Все, смотрю, при оружии... Что за люди?

– А бес их разберет! – противник Зайцу достался настырный, да и трудно драться с голыми руками, когда на тебя прет детина с кистенем. – Ко мне тут торговые люди приехали с немалыми гривнами. А эти вот, похоже, их ждали...

Договорить корчмарь не успел, его прервал истошный крик, с которым вдруг ожил налетчик, оглушенный Кривым в самом начале драки. Он дождался, когда обидчик окажется на расстоянии вытянутой руки и, улучив мгновение, рубанул ножом ему по ноге. А когда Кривой упал, обливаясь кровью, кинулся к нему и несколькими ударами добил. «Рыжегородский мясник» затих, уставившись незрячими глазами на чур Велеса, что находился сейчас прямо над ним. Налетчик поднялся, вытер лезвие о распростертое у его ног тело, и присоединился к своему сотоварищу, что отбивался от Беляты.

Увидев расправу над Кривым, Заяц матерно выругался дрогнувшим голосом. И ведь посожалеть о нем некогда, того и гляди сами окажемся на его месте. Помимо этих грустных раздумий, корчмаря беспокоило некое смутное чувство. Быстро оглядевшись, насколько позволяли удары противника, он обнаружил, что в корчме кое-кого не хватает.

– Белоглазого нет! – крикнул он на ухо Вербану, словно тот был глухим.

– Кого? – не понял тот.

– Ну, щуплого такого. Он к вашему деду тогда словно ненароком заглянул, сказал, что каморой ошибся, а я точно знаю, что с худым умыслом шел. Нож у него был в руке. А вот сейчас я его не вижу нигде...

Пока Заяц сказывал, усач тоже успел оглядеться, и не найдя нигде белоглазого, смертельно побледнел. Не слушая больше корчмаря, он вдруг рывком подпрыгнул и в прыжке ударил ногами обоих своих неприятелей, а потом стрелой помчался наверх, по пути сшибив и того хмыря, что все это время досаждал Зайцу своим кистенем.

Получив неожиданную свободу, корчмарь не стал медлить. Он стремглав побежал к стойке, пока разбросанные Вербаном налетчики не успели очухаться. Значение имели бук-

важно считанные мгновения. Большую часть спрятанного тут и там оружия и ловушек сейчас никак нельзя было использовать, из опасения зацепить своих. Но один из валяющихся сейчас разбойников упал так удачно, что... Да где же эта треклятая половица? Есть, вот она, родненькая! Давай, пошла!

Здоровяк с мечом, которого угораздило стать жертвой зайцевского хитроумия, уже начал приподниматься, когда пол под его ногами вдруг провалился, и он, тихо ойкнув, исчез в темноте погреба. Меч, оставшийся без хозяина, сиротливо брякнулся об пол. Заяц так порадовался удаче, что не обратил внимание на пугающую странность. Вместо хрюска тяжёлого тела об землю – там, как никак, три сажени вглубь – из ямы донеслось чавканье, будто неряха-великан, у которого рот в сажень шириной, хлебал с ложки кисель.

На втором поверхе раздался шум, крики, отборная ругань Вербана, что-то упало, с треском сломавшись. А потом показался и он сам, неся старика на руках.

– Удрал в окошко, скотина, да ещё руку мне прокусить умудрился! – прогремел усач, спускаясь полегоньку вниз. – Я забегаю, а он там на деда с каким-то ножиком чудным насадет. Хорошо старик очнулся и палкой своей укорот ему дал, насколько силенок хватило, а то бы порезали его по-тихому, и всё. И... Э-э, а чего у вас тут за хрень творится?

И так странно прозвучал его громовой голос, что все, кто только что сражались не на жизнь, а только на смерть, остановились, глянуть на Вербана.

– Вы чего, ослепли, что ли? – заорал он, бегом припустив с лестницы. – Не на меня смотрите, по сторонам лучше гляньте, дурни!

А посмотреть было на что! Бревенчатые стены словно заволоклись сизой дымкой, теряя свои очертания, каждое бревнышко подрагивало, меняясь на глазах в цвете, размере и виде. Это не сразу бросалось в глаза, но если уж заметишь, то разглядишь тотчас все подробности того, как привычное плавно перетекает в нечто другое, непонятное ни разуму, ни уж тем паче зрению. Лубки на стенах сочились ядовито-зеленым плевком. Из погреба уже не просто смачно почавкивало, а во всю урчало, сглатывало и пузырилось, будто там завелась каких-то немалых размеров тварь.

Да и со столами тоже творилось что-то неладное. То один, то другой вздрагивал норовистым конём. Краем глаза корчмарь уже примечал это и раньше, но тогда он подумал на Божесвята, что метался под столами, спасаясь от драки. Но Божесвят-то один, а столы, вона, через один дрожат, словно от холода. Тут и сам Божесвят выскочил на белый свет, перепачканный, собравший всю паутину, которую не успела найти Стенька. Он верещал, размахивая кистью:

– Всю руку мне отдала, гадина такая! Заяц, что у тебя за столы такие бешеные?!

Но было уже не до него. Все, и налетчики, и оборонявшиеся, растерянно поводили головами, озирая все новые страшные изменения. Стойка, за которой пребывал Заяц, начала оплывать, подобно жировой свече, тонкий поблескивающий ручеек от нее уже стекал в расплавленный люк, а оттуда доносилось радостное причмокивание. Корчмарь шархнул от стойки, словно от зачумленной живности. Пол под ногами дрогнул раз, другой. Третий скачок досок чуть не опрокинул всех. Люди, старясь устоять на ногах, хватались за всё подряд, даже друг за друга – только что рубились насмерть, и вот уже ищут поддержки, чуть ли не обнимаются. Кто-то схватился за стену, и тут же с проклятьем отдернул руку назад: жжется, зараза! Те, что схватились за столы, отлетели назад, как от здорового пинка, потому что столы заходили ходуном, затопали ногами, как бараны! Сметливый налетчик, что прежде безуспешно пытался уговорить Типуна убраться отсюда поскорее, снова явил себя:

– Да чего стоим-то? Корчма заколдована! Тикать надо, пока всех нас черти не схарчили!

И первым ломанулся к выходу, за ним шумно сопя, побежали и остальные. Кричавший схватился за ручку, дернул дверь на себя, и тут же с истошным воплем откатился назад, потрясая искалеченной рукой: вместо кисти торчал обугленный обрубок, распространяющий вонь горелого мяса и все ещё продолжающий дымиться. Безумно завывая, разбойник побежал

не разбирая пути через всю корчму, оступился на краю провала в полу и рухнул вниз. Там что-то уркнуло и крик тотчас же прекратился.

Вот теперь все испугались по-настоящему. Ещё один смельчак, обернув руку тряпицей, сунулся, было, отворить выход, но немедля отступил, даже не начав. Железная ручка, засов и петли медленно, еле заметно для глаза, стекали с поверхности двери, словно подтаявший воск. Они все так же оставались холодны на вид, без жара и рдяных всполохов, но явно были расплавлены. Двери... А вот дверей, по сути, уже и не было. Они, как и стены, заволоклись липкой сырой дымкой, стирающей привычные очертания. Между косяком и самой дверью не было и малейшего зазора! Все загалдели разом, заматались на месте, усатый, придерживая хворого старца на плече, пытался перекричать толпу, но куда там! Гораздо громче вопил, как ни странно, Божесвят, у которого от страха прорезался на редкость пронзительный голосище:

– Да что же это такое делается? Что творится?

Заяц в ужасе озирался, стоя подле стойки, нынче больше напоминающей подтаявший сугроб: им-то, что, им лишь бы выбраться поскорее. А ему что делать? Ведь это ж его корчма, его дом! Вот ведь, приютил разом этих одноногих-рыжих-белоглазых, и теперь, похоже, теряю всё! Эх, мама, мама...

И тут подал голос одноногий дед. Странно было видеть его, вот только недавно безвольно висевшего на плече у Вербана, а сейчас уже серьезно вещающим оттуда же. Говорил он негромко, но, тем не менее, с такой силой, что галдевшие и потерявшие голову люди деда слышали:

– Это называется «оживление»... – когда все недоуменно уставились на него, добавил, – Да, да. Я уже раз видел такое. Прорывайтесь к окнам, и поскорее – только так можно выбраться наружу.

Стадо, в которое от страха обратились присутствующие, тут же начало озираться, в поисках окон, но из четырех светоёмов свой вид сохранил лишь один единственный, находившийся неподалеку от бывшей стойки. Все остальные окна съезжились наискось, почти исчезнув.

Заяц, хоть и стоял к этому самому окну ближе всех, тем не менее, не оказался там первым, ибо, когда выход из всего этого сумасшествия худо-бедно стал вырисовываться, корчмарь озаботился вопросом спасения имущества. А такового у него имелось только два – кубышка с гривнами и книга, которая сулила просто сказочную прибыль! Некстати вспомнилось, как мама, читая ему по вечерам сказки, где дураку всенепременно везло ухватить за здорово живешь мешок золота, всегда говорила: «Сыночка, это только сказка. Ты уж губы-то особо не раздувай...» Эх, мама, мама, знала бы ты, какой твой сыночка сказочный богатеище!!!

Ну... почти. Если взбесившийся стол не затопчет.

Именно поэтому он и остался стоять на месте. То есть, не просто стоять, а прикидывая, успеет ли он обернуться туда и обратно? Тем временем, узнав, что не все ещё потеряно, налетчики, вместе с купцами, Белятой и Докукой, двинулись к цели, медленно пробираясь между столов, что с натугой выдёргивали из пола приколоченные ножки, стараясь как можно дальше обойти провал в полу, откуда сыто урчало вперемешку с веселым плеском. Старик же тем временем непонятно пожаловался:

– Нога зудит, моченьки нет! – а потом попросил: – Отпусти-ка меня, сынок.

Вербан спешно поставил его на слегка взбрыкивающий пол. Дед сноровисто заковылял по направлению к лестнице, явно намереваясь залезть на второй этаж.

– Дед, куда? – рванулся усач следом.

– Надо мне! Я сумку там оставил!

– Какая, растуды-сюды, сумка?! Спасаться надо, дед!

– Без нее не уйду, вот что хочешь со мной делай! – уперся одноногий старик, цепляясь за перила. Лестница раскачивалась и трепетала, грозя в любой миг рухнуть.

– Вот ведь настырная душа, так да перетак его мать! – выругался сквозь зубы Вербан и поспешил следом. – Погоди ты, с тобой схожу. Белята, ты давай, дуй со всеми, а мы тут с дедом скоро обернемся!

И оба скрылись из виду. А потом началось то, чего корчмарь и в жизни не додумался бы опасаться: все его ловушки ожили разом! Из остатков лубка, всё ещё сочащегося на стене грязным цветным потеком, жажнул самострел. Неоперенное древко, толщиной в два пальца пронзило разбойника, что как раз повернулся к Зайцу спиной. Между его лопаток вдруг высунилось железное острие, нанизанный на древко налетчик, черноволосый парень, завертелся выюном, а потом упал, наткнувшись на стол, и затих. Тело упало недалеко от чернеющего зева в полу, откуда немедля взметнулось что-то длинное, гибкое, грязно-красноватого цвета – хобот, щупальце, язык? – обхватило убитого за плечи и потащило к себе в яму. Наконечник стрелы, торчащий наружу, глубоко царапал пол, мешая твари заполучить добычу как можно скорее.

– Это не я! – возопил Заяц, показывая всем свои пустые руки.

Но мало кто следил за всей этой возней с погибшим, и уж совсем никто не слушал корчмаря, потому как было совсем не до того. Увидев, что становится совсем худо, Заяц не стал дожидаться у моря погоды. Вход во внутреннюю горницу все это время оставался открытым, посему корчмарь беспрепятственно проник внутрь, кинулся было вышибать потайную половицу и тут же заледенел от ужаса. Пол ходил ходуном, половицы с сухим скрипом цеплялись друг за дружку как панцирь на спине древнего ящера. Вот вроде показался зазор, Заяц ястребом кинулся подцепить дощечку пальцами... Уф, еле успел отпустить, а то прищемило б. Вот бы лихо вышло – все удрали, а он тут остался один одинешенек посреди всего этого ужаса! Долбить каблуком выходило и вовсе нехорошо. Дощечка от этого только вбивалась глубже в пол. Решение подсказало отчаяние, которое испытал Заяц, представив, что он спасся, но оказался при этом жалче самого пропащего нищелюда, без полушки за душой. Он приволок кочергу – честная железяка не поддавалась общему безумию, охватившему корчму, не обернулась гадюкой, не обожгла руку и не попыталась задушить – сунул крюк в появившийся зазор и, стараясь не прислушиваться к воплям из столовой палаты, с немалым трудом добавил треклятую доску. Доска отскочила, явив два ряда мелких, как у пилы, зубов, и тут же принялась действовать. Ударившись о пол, половичка тут же скакнула обратно и вцепилась корчмарю в штанину, едва не прикусив икру. Впору было ожидать торжествующего рычания, как у шавки, справившейся со слоном, но она, или оно, молчало, лишь трепыхаясь на весу. Кочерга пригодилась ещё раз, но бить настырную деревяшку пришлось довольно долго, до полного её превращения в щепу.

Сокровища в тайнике лежали неприкосновенные. Заяц уже было протянул руку их вытащить, но вовремя заметил, что и остальные половицы вокруг тайника показывают зубы. Пришлось вразумить их кочергой.

Схватив средства для дальнейшего и, вероятно, безбедного, существования, Заяц выскочил обратно, где снова обледенел от ужаса. Корчемная палата была почти пуста, и только возле почти затянувшегося оконца все ещё возились старик с тем рыжим усачом, Вербаном, который при его появлении хохотнул:

– На ловца, как говорится, и зверь бежит!

– А где все? – зачем-то спросил Заяц, хотя и так было ясно – где.

– Уже там, где ж ещё! – подтвердил его худшие опасения рыжий. – А мы вот тут с дедом застряли. Не хочет, понимаешь, уходить, старый упрямец, пока книгу свою не найдет. Ты, часом не видел? Разве? А что это у тебя в руках!?

ГЛАВА 5

Что творилось в корчме, пока он отсутствовал, Зайцу рассказали после. Первым подле спасительного окна, что совсем не удивительно, оказался пронырливый Божесвят. Есть такая порода людей, что не тонет ни при каких обстоятельствах, и не всегда эти люди, сообразно поговорке, полное и окончательное дерьмо...

Но произошло это далеко не сразу. Ибо после первой стрелы последовали ещё. Следующие три прилетели с разных сторон. Одна ушла в стену, не оставив в ней и следа, вторая впиалась в стол – тот взбрыкнул, а потом завалился на бок, дрыгая ножками и, как божился впечатлительный Божесвят, издавая предсмертный хрип. Третьей стрелой на излет разорвало предплечье Семигору. Тот лишь охнул, зажав страшную рану рукой. Потом стреляло ещё и ещё, люди только успевали уворачиваться. Стрелы уходили в стены, несколько впилося в пол, причем доски в этом месте начали стремительно синеть, две вдарили в опрокинутый стол – тот ещё раз дернул всеми четырьмя ножками и затих. Одна стрела угодила в открытый люк, откуда немедля раздался негодующий рев, а потом разом взметнулось три щупальца. Они слепо заколотили куда ни попадя, разломали два стола, смяли остатки стойки, а потом двум из них (пока третье боролось с остатками разломанного стола) удалось схватить по жертве. Одно змеей обвилось вокруг шеи бритого молодчика, а второе цапнуло Докуку за упитанную ляжку. Оба истошно заорали, суча руками и ногами, но налетчик как-то уж больно быстро сник и перестал шевелиться. На выручку кинулись чуть ли не все, больше мешая друг другу, нежели помогая. Кто-то тянул пойманных щупальцами на себя, кто-то пытался разжать захват. И все это сплошным потоком стрел, летящих со всех сторон! (Слушая пересказ, Заяц только диву давался – откуда взялось столько стрел, если самострелов было всего три, и каждый заряжен только на один-единственный выстрел!) Разбойники, что были при мечах, наконец, сообразили, что делать, и в два маха высвободили полонённых.

Из провалища в полу взвыло так, что заложило уши, и наружу выбросилась сменная пару хваталок. Обрубки щупалец извивались, продолжая пытаться кого-нибудь схватить. Докука был цел и невредим, посему довольно споро, хотя и прихрамывая на задетую чудищем ногу, отскочил подальше, кивнув сразу всем: «спасибо, мужики!». А вот для бритого разбойника все было кончено – щупальце задушило его едва ли не сразу. Люди насилу успели отскочить назад по прыгающим половицам, когда тварь, что доселе сидела в яме, решила вылезти.

– Это... это же скрут! Морское чудовище! – заорал Божесвят, разглядев кто прятался там, погребе, – Я читал про эту тварь! Спасайся, кто может!

Щупальца упёрлись в пол, напряглись, словно толстые жилы, медленно вытягивая на поверхность тяжелое тулово, сопящее и кряхтящее на разные лады. Все успели заметить только чёрный лоснящийся верх, испугаться, понимая, что спасения нет – а потом всё разом кончилось! Три копы (и откуда только взялись, поразился Заяц!) вонзились одновременно, угодив чуть ли не в одно место. Зверь хрюхнул и плюхнулся вниз, сматывая щупальца. Последнее, явно не желая возвращаться порожняком, напоследок обшарили помещение, обнаружили тела убитых ранее, включая Лысака и курильщика, но обойдя тело Кривого, и уволокли их в темноту погребя.

После этого стрельба закончилась, и выжившие, украдкой, боясь сильнее необходимого ступить на пол, продолжили идти к окну, которое все ещё оставалось на месте. Тварь в погребу продолжала булькать и порывивать – копы её, похоже, утихомирили, но не убили. Надолго ли?

Белята тащил подраненного молодчика, с которым бился сам на сам перед тем, как началась вся эта кутерьма, и тихо ругался:

– И что я за человек такой? На кой ляд мне нужно спасать этого труща, который мне чуть голову не оторвал?

Трущ старался стонать посильнее, чтобы рыжий здоровяк не передумал его вытаскивать. Семигор, шипя сквозь зубы, плелся, придерживая края рваной раны, обильно залившей кровью весь его правый бок. Докука прихрамывал на ту ногу, что потрепала тварь из подпола, но тоже торопился. Однако самым первым у окна оказался Божесвят. Где он был и что делал всё это время – никто не видел. Охотник за древними редкостями был бледного воскового цвета, весь трясся от страха и даже тихо поскуливал, но тем не менее решительным ударом сухонького кулачка лихо вышиб слюдяное окно вместе с деревянной решеткой. Никто уже ничему не удивлялся, все спешили выбраться отсюда и только торопили Божесвята, который и так-то особо не медлил. Купец сунул в окно правую ногу – ему тут же принялись помогать, высвобождая место для следующего, – подался наружу всем телом и вдруг рванул назад.

– Ты чего, эй? – загомонили все разом.

– Пустите! – задёргался тот. – Назад пустите!

– Да чего там? Выход есть, нет?

– Есть выход, траву вон вижу. А мне назад надо. Помогите же!

– Чего ж ты, чёрт мелкий, поперед других лез, коли тебе туда не надо? – ругнули дельца, но помогли впахнуться обратно.

Молодчики резво полезли в окно, подталкивая друг друга, а вот Семигор с Белятой решили проследить, куда это так резво побежал купец. Божесвят, ничего не опасаясь, пробежал через всю горницу прямо к телу своего погибшего охранника. Он почти упал на бездыханное тело, заливаясь слезами и тряся умершего за плечи:

– Кривой! Что же ты, а? Зачем помер? Ты ж мне как брат был, чертяка!.. Я тебя, знаешь, тут не брошу. Ты меня не бросал, и я тебя не брошу. Вместе выберемся, а уж там я тебе хоть похороны устрою по-людски.

Маленький делец утер рукавом заплаканное лицо:

– Ну и что с того, что вором да душегубом был, так пусть хоть не как они похоронен будешь. Да! Именно! Сладим краду огненную под самые небеса, жрецов пригласим всяких, а потом по тебе курган насыплем высокий-превысокий. Серебра хватит! Разве ж я гривен для тебя жалел? Ведь всегда что себе, то и тебе...

Говоря все это, Божесвят прихватил тело подмышки и волоком потащил к окну, спиной назад и согнувшись в три погибели. Белята крикнул:

– Чего ж ты делаешь? Он помер уже, тут живым бы выбраться. Не успеешь ведь. – и, обратясь к Семигору, не заметив его раны, кивнул, – Давай, что ль пособим человеку. Вишь как по своему приятелю убивается...

Рыжий шагнул как раз в тот миг, когда Семигор закричал, заметив, как близко к провалищу оказался Божесвят:

– Осторожно, сзади!

Тварь словно услышала крик, а может, она почувствовала шаркающий шаг дельца. Щупальца вылетели из ямы, облепили обоих, и живого, и умершего, связав их во единый кокон, и потащили. Белята в невозможно длинном прыжке настиг тянущие добычу щупальца, вцепившись в извивающуюся тварь намертво. Но тварь внизу как тащила, так и продолжила тащить, и не глянув даже на дополнительную тяжесть. Семигор не думал ни единого мига, глядя на то, как чужой человек пытается спасти его старинного недруга, или друга – ну, кто ему этот Божесвят? – а подхватив здоровой рукой чей-то оброненный меч, кинулся рубить. Рана открылась, кровь едва ли не брызгами выплескивалась оттуда, но некогда было обращать на это внимания, не когда думать о боли! Рубить! Ещё рубить! Эх-а! Спа-са-ть сво-их! На, получи!

Ошметки щупалец летели во все стороны, но появлялись новые и новые. Это было последнее, что успел запомнить Семигор, прежде чем впасть в спасительное беспмятство...

– Что ж я за человек такой? Все время каких-то остолопов спасаю! – бурчал Белята, таща под одной подмышкой обессилевшего от потери крови Семигора, а под другой – всхлипыва-

ющего Божесвята, всего покрытого какой-то липкой слизью. Хотя тут он, конечно, несколько согрешил против правды, ибо спасали сначала всё же его. Но и в это время он тоже был занят спасательством, а, стало быть, против правды почти что и не соврашши!

Дельцы вышли из схватки почти не поврежденными, а вот тело Кривого отстоять не удалось. Тварь хоть и лишилась усилиями Семигора многих щупалец, добычу свою все же утянуть сумела и оставшимися. Рыжий вздрогнул, припомнив жутковатое зрелище, когда уцелевшие щупальца утаскивали в яму свои же отрубленные конечности, явно на прокорм таившейся там зверюге.

– Не надо было спасать меня! – вдруг запальчиво всхлипнул Божесвят, забившись под Белятиной подмышкой. – Пусть бы нас обоих сожрали. Куда Кривой, туда б и я пошел...

– Ну-ну, дядя, малахольный ты наш! – успокаивал его здоровяк, как умел, – Это только сейчас так думается, а вот мы наружу выберемся, ночь отоспимся, на солнышко утреннее помолимся, и скажем: «Слава Богам, до чего жить хорошо!»

Дотащив оба тела, одно тяжеленное и не сопротивляющееся, а другое щупленькое и отчаянно брыкающееся, Белята силком запихнул их в изрядно сузившееся окно. Проем хоть и уменьшился, но зато по краям стал податливый, словно подсыхающее тесто, это, наверное, и позволило пролезть в него весьма крупных размеров Беляте. По ту сторону его подхватили крепкие лапы Докуки. Вот ведь черт возьми, какой воздух-то, оказывается, может быть благодатный! Да...

– Этого тоже глушить? – спросил чей-то голос.

– Да не. – Отозвался Докука, хватая Беляту подмышки, – Это наш!

А тем временем у Вербана с дедом дела обстояли тоже не сказать что бы уж прямо-таки замечательно. Взобравшись по чудом не рассыпавшейся лестнице, стоило подумать и о том, как по ней обратно спускаться. Веревку какую-нибудь скрутим из тутошнего барахла – сообразил усач. Дед семенил впереди, направляясь к своей каморе. Удавалось ему это с некоторым трудом, потому как пол на втором поверхе оказался столь же норовистым, как и на первом. Доски в который раз пробежали морской волной, качнув на своем гребне их обоих. Вербана волна, правда, откинула назад, а вот деда – поторопила вперед. Он пробежал весь путь от своенравной волны до самой каморы, чуть ли не наступая себе на бороду и почти врезавшись носом в дверь. Одноногий замер перед каморой в нерешительности, ибо двери как таковой не наблюдалось. Вместо нее на пути нависало нечто хрупкое, тонкое на вид, потрескавшееся как кора столетнего дуба, темное и слегка подёргивающееся, подобно паутине, поймавшей для хозяина-паука мошку на обед. Старик явно не хотел становиться ничьим обедом, посеум и не спешил.

– Что за хрень! – ругнулся усач, подоспев следом.

Паутина – как ещё её назвать? – явно заметила его появление, затрепетав сильнее. По углам пробежали голубоватые искорки, исчезнувшие в глубоких морщинах преграды. Дед все так же молча созерцал сие чудо, пока Вербан ходил отламывать кусок от перил лестницы. Первые два обломка показались ему маловатыми и кубарем полетели вниз. Выдернув, наконец, дырн подходящего размера, рыжий вернулся, отодвинул деда в сторону и с хорошего хватил по паутине, вложив в удар разворот всего тела, от щиколоток до кистей рук. Раздался жуткий визг, от которого на глаза навернулись слезы, а в ушах и носу заложило, и с неяркой вспышкой всё того же голубоватого цвета, препона пропала, истаяв дымкой. Дырн в руке оказался срезанным пополам, обуглившись чуть ли не до того места, где за него держался Вербан. Перепуганный здоровяк в растерянности выронил огрызок из рук, а старик невозмутимо проскочил внутрь каморы.

– Дед! – рыжий предостерегающе вскинул руку, но все обошлось. Только в двух противоположных углах дверного проема пробежала слабая искра. Вербан поморщился, шагнул следом за стариком, но всё – чем бы ни была давешняя мерзость на двери, она, похоже, выдох-

лась окончательно: не сверкнуло ни разу. Усач огляделся. Сказать, что он был удивлен, это все равно, что ничего не сказать вообще. Изнутри камору было не узнать. За то совсем недолгое время, пока они со стариком отсутствовали, обиталище изменилось, живо напомнив рыжему одну знакомую пещёру.

В молодые годы ему с сотней других парней довелось понаёмничать в южных странах, где высоко ценили славянских богатырей. Во время одного похода, когда лицо, нанявшее их, захотело хорошенько проучить лицо, мешавшее ему спокойно занимать место шаха, им пришлось прошагать немало верст по кряжистым горам, чьи вершины терялись в небесной выси. Местные жители одного из сел рассказали им про таинственную пещеру, набитую сокровищами, чуть ли не под самый потолок, войти в которую можно было лишь зная волшебное слово. Память у Вербана на причудливые восточные имена была слабовата, но имя хитреца, устроившего такое отменное хранилище для своих сбережений (впрочем, старики говорили, что изначально сбережения принадлежали сорока каким-то другим людям), он запомнил только в силу его нелепости. Вроде бы был тот хитрец мужик как мужик, но звали его, почему-то – Али-баба! Может, конечно, было за что, но про это им не рассказали...

Пещера была этакой тамошней достопримечательностью, к которой обязательно водили всех приезжих, и те добросовестно выкрикивали перед её каменными створками все известные им волшебные слова, а когда те заканчивались, переходили к самостоятельному сочинению других слов, насколько им хватало воображения, ну а когда выдыхалось и оно – меж горных ущелий начинала витать матерная ругань.

Славянской дружине, немного сомлевшей после долгого перехода, быстро надоело играть в матерную перебранку (а других волшебных слов они и знать не знали) с эхом, ибо оно кричало громче, дольше и совершенно при этом не уставало. Поэтому дверь снесли ко всем чертям с помощью трёх пудов взрывчатой смеси, которую называли то «пыль, то «прах», то «порох». Ханьцы начиняют этим «порошком» свои праздничные шутихи, которые грохают громче, чем любая хлопушка. У них тоже шутиха вышла на славу. Бабахнуло так, что с гор сошел снег, лед, сель и пастухи с отарами вместе. Когда пыль улеглась, весь отряд кинулся вперед... В общем, сказки о горах сокровищ, оказались именно сказками. Пещера вовсе не купалась в роскоши, озаряемая светом драгоценных камней. Это оказался огромный, мрачный и сырой склеп, с затхлым воздухом, грубыми стенами, тесанными самой природой и полом, по щиколотку заваленным мусором и окаменевшим пометом летучих мышей. Потом кто-то из восточных дедов сказал им, что этот помет был вовсе и не помет, а крайне редкое и ценное лекарство «ё-моё» (ну, или что-то в этом роде). Хм, вот пусть сами им и лечатся, ё-моё.

Золото, правду говоря, все же было, но не так уж и много, едва хватило на месяц привольной жизни для всей дружины в маленьком приграничном городишке, запомнившимся лишь своими восточными красавицами, что просто обожали ражих северных воинов за их... Хм! Ну, впрочем, довольно, а то эвон куда воспоминания заводят, что аж уши зарделись, когда привиделось, как Лейла или Зейноб – дай Боги памяти – вытворяла такое!.. М-м-м...

В общем, камора как раз напоминала ту самую пещёру: тот же нежилой вид, мусор на полу, вот эти круглые катышки – не помет ли летучих мышей? Жилище на первый взгляд стало раза в три больше, откуда-то сквозил, вызывая ноющую боль в зубах, холодный ветер, хотя никаких окон в каморе уже не было. Неуютно, если можно так сказать.

Старик же, казалось, совершенно не обращал внимания на окружающие его странности, сосредоточившись на поисках. Переворотив груды хлама, чья изначальная природа не поддавалась осмыслению, он наткнулся, наконец, на свою сумку, не просто грязную, но ещё и поросшую бледными тонконогими поганками, торчащими словно хрящики ушей какого-то подземного чудовища. Дед подобрал свою валявшуюся неподалеку палку – единственное, что оказалось не тронутым всеобщим разложением – и сшиб ею гнусные грибы. Глянув внутрь

сумы, он насупил брови, полез рукой, но, видимо, не нашел, что нужно. Подумал немного, он нацепил её на плечо, а потом припустил рыскать вокруг с утроенной силой.

– Чего ищешь-то? – не выдержал Вербан, ибо чуть ли не нутром чуял, как утекает драгоценное время, за которое ещё можно было успеть спастись. – Давай искать помогу, а то этак провозимся тут и, неровен час, насовсем останемся.

– Книгу ищу. Старинную такую... – буркнул дед, не прекращая поиска. – Без нее мне хоть и впрямь тут оставайся.

Рыжий окинул помещение взглядом и только вздохнул: если перерывать тут всё, то выбраться им отсюда точно не суждено. Одно дело – искать в маленькой каморе, пусть даже и рассчитанной на четырех человек, а другое дело – искать в полутемной пещёре. Вербан только сейчас обратил внимание, что здесь имеется достаточно света, хотя ни одна лучина не горит. Да и где они, эти лучины? Оказалось, все просто – небольшими пятнами на стенах, полу, и даже на одеяле вырос светящийся мох. «Вот ведь, – не к месту подумалось Вербану, – расскажу потом, а кто-нибудь обязательно заметит, что это было некое редкое лекарство, и надо было быть полным олухом, не надрвав его полные лукошки». Рука непроизвольно цапнула пригоршню мха, неожиданно теплого, шелковистого, и сунула в подсумок, болтавшийся на поясе. А ну как и впрямь, пригодится...

Неизвестно, сколько бы они ещё топтались, но тут Вербан вспомнил, *когда и у кого* он видел книгу. И как раз старинную... Он цепко взял деда за рукав, отрывая его от очередного перетряхивания неопределенного вида хламья:

– Пойдем-ка!

– Но книга! Без нее я... – дед затрепыхался всеми конечностями, что, впрочем, не привело ровно ни к чему.

– Я знаю, где твоя книга. Пойдем.

И старик сразу поверил его убежденному голосу, успокоился, и уже скоро семенил рядом, постукивая по полу то своей палочкой, то деревянной култей.

Спускаться вниз было не по чему – лестница рухнула вниз, и теперь её обломки подпрыгивали на волнообразно колышущемся полу. Взгляды обоих задержались на чёрном пятне провалища, откуда доносился сонный храп сытого зверя. Ну, спит он там, или нет, но к яме все одно лучше не приближаться. И только во вторую очередь они сообразили: а в корчме-то пусто! Все уже выбрались наружу. Дела-а! Старик с рыжим усачом переглянулись. Вербан подмигнул: не робей, дед, выкрутимся, догоним. Тот лишь кхекнул в бороду, то ли соглашаясь, то ли выражая сомнение. Снова глянули вниз. Высота-то, вон какая! Вербан присвистнул про себя: неужто я отсюда сигал?! Силён, бродяга!

Выучка в чужих горах на Востоке нередко пригождалась Вербану, сослужила она и сейчас. На пол полетела рубаха, тут же разорванная пополам, обе портянки, пояс, с которого были сняты все нужные вещи, все во мгновение ока связано меж собой крепкими узлами и закреплено на оставшихся перекладинах поверха. Попробовав связку на прочность, рыжий остался доволен, бросил её конец вниз и в два счета спустился. Отряхнув ладони, он потопал по беснующемуся под ногами полу, проверяя, крепко ли стоит, остался, вроде как доволен, и стал знаками звать старика спускаться тоже. Знаками, потому как в корчме раздавался такой шум, что говорить было затруднительно.

Эх, была, не была! Дед скинул в руки усача свою сумку с палкой, поплевал на морщинистые ладони и пополз вниз. Деревянная нога нелепо топорщилась в воздухе, мешая карабкаться, а когда Вербан подошел принять деда, то она сначала едва не своротила ему нос, а потом чуть не выколола глаз. Спасла зрение исключительно воинская сноровка. Ну, дед! Вот и спасай такого! Очувившись снова на твердой поверхности – если таковой можно назвать колыхающиеся доски – старик умиротворенно перевел дух, тяжело хватая воздух. Усач посочувствовал ему: понятное дело, чай не молодой шалопай, чтоб по веревкам лазить.

Они короткими перебежками добрались до того, что оставалось от спасительного окошка – едва заметной проплевшины в стене мутной пелены. Всюду валялись обломки столов, лавок, под ногами тут и там разбросаны обрубки щупалец, расплесканы потеки чего-то жирного, склизкого, и всё это то воздымается, то опускается на туда-сюда перекатывающихся волнами досках. Уцелевшие столы сгрудились в самом дальнем от провала углу и мелко дрожали там – ни дать ни взять, овечки, зачуйвавшие волка. Видно, в провале таилось нечто, наводившее страх даже на безголовую нечисть вроде оживших столов. Откуда-то постоянно несся шум, шорохи и клекотание, какое-то поскрипывание, перемежаемые рыками из глубины ямы, треском напольных досок и стуками из внутренних помещений корчмы.

Остановившись у почти затянувшегося пятна, рыжий прищурился:

– Что делать-то будем, дедушка? – Потянулся рукой, намереваясь тронуть стену, и тут же получил палкой по пальцам.

– Не трожь! – сурово молвил одноногий. – Без руки можешь остаться. Как выбраться – придумаем, наверно. Ты мне лучше про книгу договаривай, коли и впрямь знаешь, где она.

Вербан уже приоткрыл рот, но тут в поле зрения появился запыхавшийся Заяц, сжимавший под мышкой – что бы вы думали? – книгу. Ту самую. Старинную. Рот рыжего сам по себе растянулся в усмешке:

– На ловца и зверь бежит!

Корчмарь, похоже, все ещё не понял, как он вляпался. Что ж, в счастливом неведении ему придётся оставаться не долго...

– А где все? – спросил Заяц, будто и сам не мог догадаться.

– Уже там, где ж ещё! – хмыкнул Вербан. – А мы вот тут с дедом застряли. Не хочет, понимаешь, уходить, старый упрямец, пока книгу свою не найдет. Ты, часом не видел?

Заяц пожал плечами: какую ещё книгу? Да нет, вроде не ви... Книгу?! Кни... Дыхание корчмаря от ужаса сперло, а сам он мигом покрылся холодным потом. Попался! И так глупо, что в пору завершать и начать дубасить свою несмышленную голову этой самой книгой, рвать волосы пучками и пускать пену. Своими руками вынес уворованное прямо пред очи владельца. Ой, как не хорошо этот полуголый здоровяк со стариком на него смотрят! Ой, как не хорошо!

– Значит, не видел? – удивился усач. – Ой, а что это у тебя в руках?

Всё, это конец! От отчаяния, корчмарь всерьез принялся размышлять, что лучше: сдать на их милость, и тогда рыжий не станет его убивать, а просто скинет в яму к зверю, или от стыда прыгнуть туда самому вместе с книгой? Чтоб, стало быть, не досталась никому? Как там сказано у Велеслава? «Я ли смерть заклинаю? Я ли её приму?» Да... Это будет мужественным и красивым шагом, о котором потом перехожие гусяры станут слагать выпренные и самую чуточку печальные песни. Что-то вроде того:

*Да уж и Заяшка он, Осмомыслович,
Порасправил свои круты плеченьки,
Воскидал он буйну головушку,
Побежал-помчал яко ярый тур,
Полетел стрелою, серым соколом,
Опрометь кидался во темную глубь,
Во провалище-ямище чёрное,
В погребя-пещеры в Чернобожши!
Не забьется сердце, не дрогнёт душа,
Не поплачет никто по сироточке...*

Растрогавшись словами, что так ненавязчиво сложились сами собой, Заяц незаметно для себя чуть-чуть подпустил слезу, пожалев сиротку, при этом с легкой грустью улыбаясь, отдавая должное безумной своей храбрости. Хорошо хоть не зашмыгал носом, вовремя сообразив, что никто о его беспримерном подвиге так и не узнает...

Вербан, разминая запястья, кивнул старику:

– Что, дедуля, твоя книга?

Одноногий заходил с боку, уже занеся палку для решающего удара:

– Похоже, что моя.

И тут корчмаря осенило! Нет, даже озарило, причем так ярко и сильно, что у него чуть не польхнуло из глаз. Он вскинул вверх руку с книгой и возопил, словно опытный нищий, вымаливающий у косносердечной толпы жалкое подаяние:

– Стойте! Вы что же, подумали, будто я её украл? Вот и делай после этого людям добро... А я ведь так и знал, что этим окончится, что подозревать будут в самом плохом да ещё и избить попытаются. А она говорит: нет, ничего не будет, просто заberi книгу и...

– Кто, «она»? – насторожил уши старик.

– А я знаю? Я её и в глаза не видел. Просто в тот вечер, когда вы все у меня устроились, был мне голос женский, словно с потолка! Я даже подумал поначалу, что всё – кукушка в голове завелась. Ну, в смысле, того, сбрендил. – Заяц сочинял, чем дальше, тем вдохновеннее, что, в общем-то, и понятно, когда речь идет о спасении собственной шкуры. – Сказала, что её зовут Любава, и велела мне пойти, забрать из твоей сумки книгу и понадежней спрятать её, потому как скоро начнётся в корчме заваруха, и книга может пропасть, а этого никак невозможно, очень книга важная и ценная. А потом уж, когда опасность минует, тогда её и вернуть. Я отнекивался, как мог, я, мол, мирный корчмарь, не к лицу мне в колдунские усобицы влезать... да будто она меня спрашивала! Возьми, говорит, книгу, припрядь и не рассуждай, а не то... Я уж не стал слушать – ладно-ладно, говорю, госпожа, сделаю, только не сердчайте...

– Любава... – старик сразу как-то весь пообмяк, глаза затуманились, а палка вернулась на своё место, перестав грозить Зайцевой голове.

Остановился и рыжий. Заяц же понял, что, назвав имя загадочной Любавы, угодил в самую точку, и продолжал заливать:

– И ведь как в воду глядела! Седмицы не прошло, и началось... Я многое повидал, но чтобы столы скакали, как молодые козлики – это чересчур. Тут голову на плечах удержать бы, а книга в такой сумятице запросто затеряться могла бы...

– Могла, – кивнул старик. «Слушает, оказывается! – удивился Заяц, – А я уж думал совсем дед поплыл».

Вербан только молча кивнул, припомнив царящий в каморе беспорядок и её размеры, позволявшие без труда спрятаться небольшому воинскому отряду, скажем этак человек под пятьдесят.

Очередной, причем весьма изрядный, рывок пола под ногами, лишил его опоры, и Заяц приземлился на задницу, выпустив книгу из рук. Вербан молниеносно подхватил её в полете и передал старику. Тот не глядя взял, спрятал книгу в сумку, и приложив руку к сердцу, искренне молвил:

– Спасибо тебе, добрый человек, за помощь! И прости дураков, что худое о тебе подумали.

Корчмарю стало стыдно. Он покраснел ушами и смущённо отвел взгляд в сторону. И ладно, зато не пбили! Мощный рывок поднял его на ноги, только на сей раз это был не скачущий пол, а Вербан, ухвативший его подмышки.

– Тяжёл же ты, братец! – Фыркнул он, снова утвердив Зайца в стоячем положении. – Ну, и меня, что ль извини, что хотел намылить тебе шею. Недоразуменьице вышло...

– Я уже все забыл! – Воскликнул корчмарь, радуясь таким переменам в настроении, хотя и всплакнув в глубине души по трём тысячам гривен, что растаяли, как облачко поутру. – Так чего, давайте выбираться отсюда.

– Да, дедуля, книгу свою ненаглядную обратно заполучил, так теперь давай, вызволяй нас.

Дед шустро завертел головой по сторонам.

– Так, ребятки, сейчас сообразим. Ну-ка, ну-ка! – потом с надеждой спросил у Зайца: – А сейчас ты голосов не слышишь? Не подсказывает Любава чего? Нет? Жаль... Ну, хорошо, а что у нас вот это? Ага, бывшая дверь. То, что нужно! Нам туда. Не знаю зачем, но точно туда...

Но сказать это, оказалось легче, чем сделать. Пол снова подпрыгнул, причем сильнее, чем в предыдущий раз, когда уронило Зайца. Теперь попадали все трое: корчмарь опрокинулся на спину, старик плюхнулся ему на живот, а вот Вербан упал менее удачно, с силой приложившись головой об обломки дубовой скамьи. Дед вскочил довольно резво для своих лет и даже помог встать Зайцу. Рыжий поднялся последним, глаза смотрели бессмысленно, а его самого качало, словно пьяницу.

– Эй, ты чего? – старик обеспокоено подёргал его за руку.

– Вербан! – позвал Заяц, и пояснил деду: – Его Вербаном зовут. Я слышал.

На своё имя рыжий отозвался. Глаза перестали таращиться в никуда, потом он сипло пробормотал:

– Ой-ё! В голове до сих пор искры со звездами вперемешку. Как-то раз желтомордый жажнул мне по головушке какими-то смешными палочками на веревке, так один в один было...

Воспоминания оборвал новый рывок пола. Чтобы не упасть снова, всей троице пришлось похвататься друг за друга. И всё. Перерывов между скачками больше не было, волна шла одна за другой, подбрасывая всё, что находилось на полу. Взлетая, дед, рыжий и корчмарь на разные голоса гомонили:

– О, чёрт!

– /.../!

– Мама дорогая!

Вербану довелось послужить и на военных кораблях, он вспомнил, каково бывает при качке, и первым приноровился к передвижениям по взбесившемуся полу. Он ухватил Зайца со стариком и потянул их в сторону спасительного окна. Корчмарь впервые столкнулся с морской болезнью и теперь, перегибаясь пополам после каждого взлета, проклинал мясные пирожки, кашу с отварной телятиной, луковую похлебку, вареники со сметаной, копченый сыр и много чего ещё, что не желало больше мирно перевариваться у него в животе. Дед с воплем отпрыгивал в сторону, стараясь увернуться от очередной струи, но крепко держащая лапа Вербана, не замечавшего сейчас ничего, кроме цели, не пускала его достаточно далеко.

Когда полпути было с грехом пополам пройдено – Заяц полностью отменил свой плотный обед, а все остальные были перепачканы именно им – стало ещё хуже. Волны вдруг переменялись. Если раньше они раскатывались во все стороны, без какого-то ни было направления, то сейчас их повлекло в одну сторону – по направлению к провалу в полу. Троица людей зашевелилась быстрее, в воздух полетели новые проклятья. Пока ещё удавалось перескочить с волны на волну, стараясь отдалить падение, но их тем не менее неуклонно сносило к яме. Заяц оглянулся назад – Боги святы, яма-то уже в пяти шагах! С пустым желудком прыгать было значительно удобнее – рр-а-аз! Ну вот, уже шесть шагов! Снова пять, ах ты ж блин! Дед и усач тоже скачут рядом как блохи. Что, и дед?! Да как он... Как это... Вот ведь чертяка! Нет, расскажи потом такое в людном месте, так ведь засмеют как несчастного лгуна! Дед не просто скакал, он летал кубарем! Упирался палкой в очередной гребень и, потешно перебирая в воз-

духе ногами, перелетал дальше. Ловкач! Вон, даже усач внимание обратил – эх глаза пучит! Тоже, небось, не поймет, как можно выделывать такие коленца, когда тебе в обед сотня лет!

Помимо них, от падения пытались спастись ожившие столы, перебиравшие ногами. Они сталкивались друг с другом, ударялись о стены, упорно не сдаваясь сползанию в яму. Изредка поглядывая на них, корчмарь даже немного завидовал столам: дерево, наверное, не устает.

Первыми в чёрный провал попадали обломки столов и лавок. Они с грохотом ссыпались вниз, смачно шлёпнув по спине спящее там чудище. Зверь взревел. Да что там взревел, он заверещал так, что в ушах заложило, зубы нестерпимо заныли, а в глазах на миг помутилось. Деревянная снедь пришлось хозяину подвала не по вкусу, и он вышвырнул её. Сначала из ямы вылетели обломки – тяжеленная столешница просвистела над головой у Зайца и врезалась в стену, по которой тут же пошли сизые разводы – а потом полезла и сама тварь, выпростав наружу десяток щупалец. «Это, наверное, конец», – мелькнуло в голове у всех. Бежать было невозможно. Прыжки позволяли выиграть два шага, но их тут же относил обратно на три. Чудище, противно клекоча, уже почти полностью показалось на поверхности. Волны, катящиеся прямо на него, нисколько зверю не мешали, ловко перебирая конечностями, тварь ухитрялась оставаться на месте, покачивающаяся, но непоколебимая. Она сильно напоминала лоснящегося с черных боков паука-переростка, в спине торчал подрагивающий в такт движениям тела обломок копья, клювообразный рот судорожно разевался. Зайца посетила мысль, что подземный гад более привычен к жизни под водой, нежели на суше. Выпуклый белесый глаз муторно поводил туда-сюда, обнаружил отчаянно скачущих людей и вперился в них, уже не выпуская из виду. Дотянуться щупальцами тварь не сумела, мешали скачки пола и метания жертв из стороны в сторону, и тогда она потащила своё тяжелое, мешком волочащееся по полу тело к ним, шлепая пузом при каждом рывке.

Первым опасность заметил дед. Свербит у него в одном месте, что ли? Или во время таких кувырков, когда голова внизу, а ноги наверху, видно и то, что твориться за спиной? Одноногий на миг прервал свои дивные прыжки, чтобы прокричать об опасности. Заяц обернулся глянуть, и сразу пожалел об этом, напоровшись взглядом на мутный глаз чудища. Глаз подмигнул, отчего у корчмаря в животе скрутился тугой комок. Брр, гадость! Эх, сейчас бы хоть одну из его ловушек задействовать, он бы показал этой мерзопакости, по чем пуд лиха! Да только кончилось все, отстрелялось, и самострелы, и копья, и сеть... Сеть! Сеть-то как раз на месте, вон она – над головой висит! Эх, как же её сдернуть оттуда, а? Так-то её можно было с помощью половицы высвободить, топнул посильнее и она падает. Но только как до половицы добраться, стойка-то отсюда далече.

– Вербан! Эй, Вербан! – возопил Заяц.

– Что, схватила? – немедля отозвался усач, и прыгнул к нему, дабы помочь высвободиться или погибнуть вместе.

– Сможешь подбросить меня... до моей стойки, ну, до того места... где она была? – выкрикнул корчмарь между прыжками

– Бредишь?.. Она тебя и там сцапает... когда нас съест. – в тон ему ответил усач.

Заяц замотал головой, крича ему чуть ли не на ухо, при этом оба они не прекращали своих прыжков:

– Не то! Я знаю... как спастись!.. И вас... спасу! Сеть под потолком... Я её скину.

– Хорошо, когда дам знак, ставишь ногу... мне в ладони, и я тебя... бросаю. Только учти, падать... будет больно.

– У гада в пасти... большее будет. А когда я дам знак... что готов, начинаю считать... до трех, скачите до стены.. а то вас тоже накроет.

Вербан сложил ладони лодочкой и кивнул:

– Все понял. Давай, пошёл!

Заяц ступил ногою, усач напряг мышцы и с криком: «Ну, ты и наел пуза-а-а!», рванул руки вверх. Полета как такового корчмарь и не заметил. Просто все вокруг быстро-быстро промелькнуло: кувыркающийся дед, тварь, растопырившая щупальца (поймать меня, что ли пытаются?), столы, потолок. А потом последовало крайне жесткое приземление мягким местом об пол. Но некогда было думать о боли, некогда стенать над ушибами. Корчмарь вскочил на ноги, осмотревшись среди бурых разлагающихся остатков своей стойки. Половица была где-то здесь. Вот эта? Нет, не похожа. Та была с продолговатым сучком, похожим на медвежий глаз. Ага, нашел!

– Всё! Нашел! Начинаю считать до трех! – Прокричал он.

Дед с усачом прибавили ходу.

– Один!

Ноги старика замелькали, точно крылья у ветряка, Вербан стал прыгать ещё дальше.

– Два!

Дед превратился в колесо, у которого уже не разобрать, где что. Усач двигался словно молния, резко, непредсказуемо.

– Два с половиной!

До стены им осталось совсем чуть-чуть! Ну же, ну! Ведь и тварь нагоняет!

– Три-и-и!!!

Заяц подпрыгнул и пал на половицу с секретом всем своим немалым весом. С потолка словно пала ночь! Мелкоячеистая сеть, сплетенная на заказ из прочнейшей верви, и утяжеленная по всем краям небольшими свинцовыми гирьками, покрыла все пространство корчмы, не задев только тот пяточок, где прежде была стойка корчмаря и почти прильнувших к опасной стене деда с рыжим. Тварь, внезапно почувствовав себя стесненной, заметалась в разные стороны, сразу забыв про почти настигнутую добычу. С каждым её рывком сеть все более запутывалась в лохматый гигантский ком. Щупальца били в холостую, подтягивая в середину запутавшиеся столы и оставшийся мусор. Чудище ревел, борясь с неведомым врагом, каталось на месте, уже больше похожее не на паука, а на угодившую в тенёта муху. И вот, произошло то, что должно было произойти: оказавшись подле ямы, тварь с громким плюхом рухнула в нее туда, увлекая за собой все то, что замоталось в сети. Упав, оно и не подумало затихнуть, продолжив свою возню, перемежаемую разгневанным визгом и ревом. Но застряло там надолго, это уж точно.

Удивительное дело, но сразу после этого пол успокоился. Ну, или, точнее сказать, перестал сбегать волнами в сторону провалища, а начал, как и прежде, растекаться куда попало. Все трое не сговариваясь бросились к двери, оплывшей, скособоличившейся, но ещё узнаваемой. Заяц, мчавшийся последним, наскочил на широкую спину Вербана, больно ударившись лбом. Усач тяжело сипел, старик не мог перевести дух, хватая воздух ртом, как рыба, а Заяца мучила зверская одышка, но, тем не менее, он нашел в себе силы, чтобы спросить:

– Ну?

Рядом шумно выдохнул на ухо Вербан:

– Как выходить будем?

Старик хитро и, одновременно, задумчиво глянул на них:

– Сейчас сообразим. Наверняка что-нибудь придумаем.

И в этот миг Заяц услышал голос. Женский. Словно с потолка:

– Уважаемый Заяц Осмомыслович, если вы меня слышите, то поднимите, пожалуйста, руку вверх.

Перепуганный корчмарь вздернул обе. Дед отшатнулся в сторону и, не понимая, что нашло на корчмаря (а ведь голос-то слышу я один, сообразил Заяц!) забормотал:

– Да не трепыхайся ты, сейчас соображу!

– Меня зовут Любава, – продолжал тем временем голос.

Корчмарь слегка поклонился и сказал:

– Доброго дня!.. Очень приятно... – А потом спохватился и звонко возопил: – Я слышу голоса!

Заяц вытянулся по струнке, глаза заоловянели, а поднятые вверх руки стали мелко-мелко дрожать.

– Никак, сбрендил? – всполошился Вербан.

– Это моя Любавушка, – удовлетворенно кивнул дед, – Да? – Заяц закивал. – Ну, я же говорил, что сейчас мы что-нибудь придумаем. Спроси у нее, мил человек, как нам выбраться.

– Я и сама толком не знаю, – голос ведьмы зазвучал в голове у Зайца, и тот добросовестно повторять за ней слово в слово. – Мне открылось, что вам должна помочь подкова. Но как? Не знаю. Это всё, сила моя иссякает, и сейчас я умолкну. Я люблю тебя, Вятшенька, помни об этом, родной мой...

Голос исчез также внезапно, как и появился. Корчмарь с облегчением опустил затёкшие руки и принялся ими трясти. Одновременно он сверлил глазами деда. Рыжий тоже уставился на одноногого. Дед не обращая на их вопросительные взгляды никакого внимания, смахнул с уголков глаз набежавшую слезину, прокашлялся и смущённо затих. Вербан повернулся к Зайцу:

– Где в твоём хламёжнике подкову можно отыскать?

– Так это, во дворе, должно быть, где Многоног стоит. – Заяц даже не обиделся за «хламёжник». Что и говорить, бывшая корчма всё меньше напоминала корчму.

– Кто стоит?

Корчмарь махнул рукой:

– Конь. Или кобыла. Но точно не мерин. Я уже сам не помню.

– Во дворе. И как мы туда попадем?

Старик полез в сумку, прервав их разговор:

– Не надо куда попадать. Подкова уже имеется. Нужно только сообразить, как она может нас высвободить.

Из сумки была вытащена здоровенная гнутая железяка, годившаяся Многоногу скорее на шею, в качестве хомута, нежели как подкова на копыта. Вербан восторженно присвистнул, прикидывая, каких размеров был коняга, что добровольно таскал набор из четырех таких штук на своих ножищах. Богатырский конёк, право слово!

Дед покрутил подкову в руках, с надеждой глянул на спутников, но, не увидев на их растерянных лицах и тени соображения, тоже загрузил. Но вскоре бровь его поползла вверх, отражая крайнюю степень недоумения, а потом старик вскочил, не в силах более сдерживать внутри себя рвущийся наружу вопрос:

– А почему, мил человек, у тебя над входом в корчму подковы нет?

«Потому что я не конь!» – хотел в тон ему ответить «мил человек», но вместо искренне удивился:

– А что, разве нужна?

– Во темнота! – хмыкнул Вербан, – Конечно нужна! Это ж оберег такой, чтоб в дом, или там, в заведение, не могла войти нежить всякая, разные лихие людишки.

«Кабы раньше знать, – запоздало пожалел Заяц, – хрена стриженного вы бы у меня в корчму попали! Э-э-эх!»

– Непорядок! – фыркнул дед, – Надо обязательно это дело исправить!

Подкинув подкову в руках, словно оценивая её вес, дед вдруг резко подпрыгнул и со всего маха вlepил железяку в склизкое месиво, сочащееся над дверью.

– Вот теперь – порядок!

Подкова накрепко прилипла прямо над головами троицы и...

ГЛАВА 6

И чудо, конечно же, случилось! Не могло оно не случиться, потому как тогда вышла бы совершеннейшая несправедливость. Потерять корчму было жалко до слез, но ещё и самому погибать вместе с ней? Нет уж, увольте! Корчму, в конце концов, можно отстроить заново, а вот где взять новую жизнь? Не подскажете? Где? В следующем перерождении? Не очень-то Заяц верил во все эти волховские сказки. Как такое может быть, чтобы он, видный собой мужчина, превратился, например, в маленького серого зайца? Придумают тоже! Хе!

В сероватом клубящемся мареве, находившимся теперь повсюду вместо стен, от двух концов подковы вниз вдруг быстро-быстро пробежали две расходящиеся книзу трещины, обойдя бывшую дверь с обеих сторон. Резко запахло паленой шерстью, а сама подкова начала пунцоветь, словно в кузнечном горне. Любоваться странным зрелищем пришлось недолго – отделенный кусок стены качнулся, и как нож по маслу стал выпадать вовнутрь. Они еле успели отпрянуть в стороны. С тяжелым шлепком стена рухнула, разбрызгав слезь с внешней стороны, и являя глазам нетронутую бревенчатую внешнюю сторону. Рухнула, и стала мелко подрагивать на колышающемся полу, словно живая. А потом, всю вонь и жару, царившую в погибающей корчме, единым порывом смел прохладный ночной воздух, едва не сбивший с ног измученных людей. Они жадно вдыхали его, не понимая ещё, что спаслись, и не веря в то, что бывает такой дивный воздух.

– Получилось! – истошно завопил корчмарь. А усач подступил к деду с распахнутыми объятьями и радостно заревел:

– Ну, голова! Дай я тебя расцелую, что ли!

Дед насилу отвертелся от его лапищ, а когда Заяц и Вербан собирались уже было сделать первый шаг, остановил их:

– Погодите-ка, ещё не всё. У кого есть огниво?

Усач потянулся к поясу, но потом виновато развел руками, вспомнив, что по ходу драки растерял все, что имел, один только подсумок и остался. Корчмарю и вовсе некуда было тянуться, ибо носил он рубаху навывпуск, чтобы несколько приуменьшить брюшко, да и огниво было ему без особой надобности. Расстроиться этакому обстоятельству они не успели, Вербан вдруг захлопал по подсумку, который давно уже слабовато дымился, хотя раньше обратить на это внимания не было времени.

– Жжется, зараза!

Из кожаной подвески был извлечен слабо светящийся комочек чего-то неопрятного, мятого. Комок уже успел прожечь небольшую дыру в коже. Вербан с трудом удерживал его на ладонях, такой он был горячий.

– Моха прихватил, уж больно диковинный, – пояснил усач. – Может, подойдет вместо огнива?

Дед быстро цапнул комок из его рук, мельком глянул, буркнул: «Пойдет», и начал дуть на него, не выпуская из ладоней. Мох занялся маленьким язычком зеленоватого пламени, трепещущим на ветру. Дождавшись, когда тот разгорится посильнее, дед наклонился и стряхнул комок в студенистую мерзость, натекающую из-под выпавшего куска стены. Полыхнуло под самый потолок, едва не опалив Заяцу, стоявшему ближе всех, его длинный хвост волос! Огонь торжествующе заревел, встав стеной и грозя отрезать их от выхода.

– Нежить надо изничтожать на корню! – назидательно молвил дед, а потом несолидно возопил: – Бежи-и-им!

– Заяц! Вербан! Дед! – ответно заорали им из темноты, выбравшиеся из корчмы раньше, и теперь отошедшие от обезумевшего дома на безопасное расстояние. – Сюда давайте! К нам!

Корчма исчезала в яростных всполохах пламени. Убегая последним, Заяц успел бросить прощальный взгляд на родной дом. Сердце билось часто, в горле стоял горький ком, а глаза щипало, и некогда было даже остановиться, чтобы отвесить земной поклон. Впереди него ловко ковылял на своей деревянной ноге старик, рядом мерно ухал сапожищами Вербан, что-то низенькое продолговатое, ловко семеня на четырех конечностях, прошмыгнуло меж его ног. Все это смешалось в голове корчмаря, все перепуталось: вонь гари, свежесть воздуха, чьи-то радостные крики, рев чудища, ворочающегося в яме. Перед глазами закружили разноцветные звезды, отжаривающие «камаринского» вместе с цветными пятнами, но ещё до того, как погрузиться в блаженную темноту, корчмарь понял, о чем были читанные им строки из пророчеств волхва Велеслава:

*Сам Сварог открыл мне секреты Огня,
Что сокрыт в глубине под корою дерев...*

Заяц дико хохотнул и немедля провалился в небытие, напоминавшее тот провал в полу корчмы...

Приход в себя оказался болезненным. Голова дёргалась, как после затяжного праздника, именуемого в народе «Днём Хмеля», во рту словно поселилась маленькая лошадь, которая не только нгадила, но и оттоптала язык копытами. В руках и ногах ощущалась редкостная слабость, даже мизинец казался огромным дубовым поленом, поднять которое не было никакой возможности. Веки, словно отлитые из свинца, еле-еле сдвинулись с места, давая корчмарю совсем немного обзора. Все вокруг, и даже сам Заяц, успевший понюхать собственный рукав, невыносимо воняло гарью. Над ухом раздавался какой-то яростный спор, отзвуки коего и принудили Зайца очнуться. Ругались двое – Божесвят, в чьей повозке он сейчас как раз и возлежал, и Семигор, почему-то именно против этого возражавший.

– А я говорю, он поедет со мной! – запальчиво голосил малорослый делец. – Я живо домчу тело до Тюрякина, и там его непременно поставят на ноги.

– Не надо никуда ехать! – басил в ответ Семигор, болезненно морщась и придерживая замотанное предплечье рукой, – Здесь свой знахарь имеется, вот он Зайца и выходит.

– А я говорю, он поедет со мной! Я живо домчу тело...

Судя по всему, спорили они уже давно и поэтому повторялись. Заяц хотел им сказать, что он уже не тело, но смог издать малопослушными губами лишь какой-то булькающий звук.

– Вот видишь, – немедля среагировал Семигор, – он тоже не хочет никуда ехать!

Оба дельца нависли над ним с двух сторон и принялись торموшить:

– Заяц, эй! Да Заяц же, ну!

– Очни-и-ись!

– Я... уже... – просипел корчмарь. – Посадите меня.

– За что? – неподдельно изумились дельцы. – А! Ты не в этом смысле!

Семигор легко переместил Зайца в сидячее положение, да ещё в придачу скинул с его лица длинный волосяной хвост, прилипший к вспотевшему лбу и изрядно мешавший обзору. Найдя, что выражение глаз у корчмаря, – или теперь правильное сказать «бывшего корчмаря»? – вполне осмысленное, дельцы в два голоса громко зашептали:

– Книгу-то спас?

Так вот чего они так рьяно обо мне заботились! – сообразил Заяц, преодолевая собственную вялость. – Книга им, видите ли, нужна. А нетути книги! Деду возвратил, но ведь не говорить же им об этом. Свалю-ка я все на пожар. Кивнув в сторону огня, он сумрачно спросил:

– Сколько я э-э-э... отсутствовал?

– С полчаса. Так чего с книгой-то?

Состроив подобающее случаю, скорбное выражение лица, корчмарь так удрученно закачал головой, что можно было уже ничего не говорить – всё было ясно и так. Как ни странно, купцы вовсе не спешили горевать об утрате вместе с ним, а даже наоборот, словно бы приободрились. Семигор дружески хлопнул Божесвята по плечу, отчего тот чуть убавился в росте, и довольным голосом проревел:

– Фу ты, ну ты! Аж от сердца отлегло! А то я, грешным делом, решил, что если книга мне не достанется, то порешу я тебя, головушку бедовую! Прямо как затмение нашло...

Божесвят фыркнул в ответ:

– Дак и я тебя в этаким случае извести решил. Уже и яд приготовил, – он предъявил оторопевшим слушателям крохотную скляницу с каплей какого-то темного зелья. – Точно, словно затмение в голове. Думаю, не мне, так и не тебе пусть...

– Слушай, Божесвят, а на хрена она нам вообще сдалась, эта книга?

– Так, сон, вроде как... – неуверенно ответил коротышка.

– Вот именно, что сон! Книга-то старье!

– Слушай, а ведь и впрямь. Рухлядь. На кой ляд она мне сдалась?

– То-то! – хмыкнул Семигор. – Так, что говоришь, яд на меня заготовил?

– А ты, небось, ночью с дубинкой подкрался бы! Вот умора! Ха-ха!

Оба дельца весело расхохотались, один раскатисто, а другой несколько визгливо, и обнялись как самолучшие друзья, а Заяц в который раз сказал себе, что ничего не понимает в природе человеческих отношений. На этот хохот к ним поспешил знахарь, ругаясь на дельцов:

– Чего регочете? У человека горе, а вам всё смех!

Заяц удивленно и обрадовано воззрился на него:

– Чурич, а ты откуда взялся?!

– Из тех ворот, что и весь народ! – пробубнил в ответ Чурич. – Знамо откуда. Погулять пошел, а потом слышу, в корчме трамтарарам поднялся, я давай ноги в руки, прибежал, дверь не отпирается! Окна тоже как заколдованные стали – вроде бы и есть, а открыть не моги! Ещё бы чуть и за подмогой побежал, но тут народ из дальнего оконца полез, я и остался помогать. Потом разбойников этих ваших оттаскивал подальше, а после уж и вы вырвались...

Заяц осмотрелся. Повозка Божесвята стояла рядом с их корчмовой телегой, набитой каким-то барахлом, чуть на отшибе от полыхающего двора. Огонь перекинулся на соседние пристройки – конюшню для Многонога, птичник, дровню, сеновал, амбар, и теперь дожирал ограду. Небо потихоньку начинало сереть, навскидку было этак часа два-три ночи. Послышались приближающиеся голоса. Старик что-то втолковывал Докуке, ведшему под уздцы Многонога, негромко переговаривались меж собой Белята с Вербаном, что тащили на плечах по два ругающихся свертка каждый. Где-то в темноте слышно было, как крикают утки и повизгивают напуганные свиньи, вовремя вызволенные Зайцевым помощником с подворья. Дойдя до временного стойбища, Докука поспешил задать корма пострадавшим от страха лошадям, рыжие здоровяки с кряхтеньем побросали на землю свертки, оказавшиеся четырьмя спеленатыми разбойниками, которым только и удалось спастись, а старик, устало шурясь, поприветствовал всю честную компанию:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.